

18)

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ
ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Экспедиции заготовления государственныхъ бумагъ.

Ваняповъ

190

4411

ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

СОЧИНЕНИЕ

П. САВЕЛЪЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ЖИЗНИ И ТРАДУР

ВОЛЖЕН РАЙОНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 9 сентября 1855 года. Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

191

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

—
I.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 г. скончался въ Иркутскѣ ученѣйшій изъ Монголовъ и одинъ изъ примѣчательныхъ европейскихъ ориенталистовъ, буддистъ по вѣроисповѣданію и Европеецъ по идеямъ, кандидатъ казанскаго университета и чиновникъ для особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ Восточной Сибири, корреспондентъ Археологическаго Общества, сотрудникъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, сынъ полудикаго забайкальскаго Бурята Банзара, по прозвищу Дорджи (что по-тибетски значитъ «алмазь»).

Банзаровъ сынъ, Дорджи, не смотря на вице-мундиръ, физиогноміей обличалъ свое происхожденіе отъ одной «кости» съ Чингисъ-Ханомъ и Батыемъ: форма головы, цвѣтъ лица, выдавшіяся скулы, узкіе глаза, указывали на чисто-монгольскую породу. Онъ гордился ею не менѣе англійскаго лорда, ведущаго свой родъ отъ Вильгельма Завоевателя, тѣмъ болѣе, что принадлежалъ къ древнему роду Урянхай, донныиъ пользующемуся почетомъ во всей монгольской степи, и остался буддистомъ, не смотря на то, что ему доступны и понятны были современныя идеи.

Возможностью приобрести европейское образование Дорджи обязанъ слѣдующему счастливому случаю.

Въ 1834 году усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ (арабскаго, персидскаго, турецкаго, татарскаго и монгольскаго) въ первой казанской гимназій съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, приготовить переводчиковъ для службы при нашихъ миссіяхъ на Востокъ, при начальникахъ пограничныхъ съ Азіею областей, и при ханахъ и султанахъ состоящихъ въ подданствѣ Россіи, а съ другой, чтобы дать образованіе и дѣтямъ инородцевъ, Татаръ, Бурятъ и другихъ.

Тайша селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, прислалъ прошеніе, въ которомъ, изъявляя необходимость для степной думы основательнаго знанія русскаго языка, ходатайствовалъ о принятіи въ казанскую гимназію пяти малолѣтнихъ Бурятъ и съ ними одного ламу. «Тѣмъ охотнѣ согласился я», писалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ*, «на удовлетвореніе сей просьбы, что, при поддержаніи сего перваго порыва, можно ожидать многочисленнаго прилива Азіятцевъ въ наши учебныя заведенія.»

Въ числѣ бурятскихъ мальчиковъ, предназначенныхъ тайшою въ будущіе писаря степной думы, находился и Дорджи.

Вмѣстѣ съ земляками своими, по прибытіи въ Казань, онъ принятъ былъ, на казенномъ содержаніи, въ первую гимназію. Степные мальчики, его товарищи, не

* *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1836, т. X, стр. LXV.

192

вынесли новаго образа жизни и непривычнаго климата, чахли и умерли; одинъ исключень былъ изъ гимназій. Остался только Дорджи, дарованіе котораго вскорѣ обратило на него вниманіе учителей. Онъ съ успѣхомъ кончилъ полный гимназическій курсъ и переведень былъ, въ 1842 году, въ университетъ.

О поступленіи юнаго Монгола-буддиста студентомъ въ казанскій университетъ, какъ о замѣчательномъ явленіи, бывший министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ довелъ до свѣдѣнія Государя, и отецъ Банзарова, неожиданно для него, за успѣхи сына, удостоень былъ высочайшаго вниманія.*

Въ университетѣ Банзаровъ продолжалъ ревностно заниматься восточными языками, и въ 1846 году получилъ ученую степень кандидата, написавъ диссертацию *О герной вѣркѣ или шаманствѣ у Монголовъ*. Это разсужденіе обнаруживало уже примѣчательную ученую зрѣлость юнаго монголо-русскаго ориенталиста,

* Вотъ подлинныя слова всеподданнѣйшаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1842 годъ: «Принятый въ 1835 году въ первую казанскую гимназію на казенное содержаніе, изъ забайкальскихъ Бурятъ, Дорджи Банзаровъ окончилъ въ семь заведеніи курсъ ученія съ отличіемъ, и по желанію поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ университетъ. Я имѣлъ счастье доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о семъ первомъ еще у насъ явленіи, свидѣтельствующемъ, что основательное просвѣщеніе можетъ быть принадлежностью и полудикихъ сыновъ степей монгольскихъ. Ваше Императорское Величество, благосклонно принявъ представленіе мое, изволили удостоить Всемиловитѣйшаго вниманія отца студента Банзарова, и столь лестное поощреніе, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворное вліяніе на его соплеменниковъ». См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1843 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 53.

и оно сохранится въ литературѣ какъ лучшее доселѣ и самое полное сочиненіе о шаманствѣ.

Тема сочиненія была трудная и необработанная: не только Европейцы, но и сами Монголы не имѣютъ ни одного полного и систематическаго изложенія шаманской вѣры. Банзаровъ долженъ былъ рыться въ монгольскихъ рукописяхъ, соображать и повѣрять отрывочныя показанія русскихъ путешественниковъ, мимоходомъ говорившихъ о шаманствѣ, и извѣстія, встречающіяся въ маньджурскихъ богослужебныхъ книжкахъ. Китайскія «Дзины», «Зендавеста» Клэйкера, Дегинь, Эрбелъ, *Metogiae populorum* Стриттера, путешествія западно-европейскихъ миссіонеровъ XIII — XIV вѣка и петербургскихъ академиковъ XVIII столѣтія, только что вышедшій тогда «Космосъ» Гумбольдта — ни одинъ источникъ не ускользнулъ отъ вниманія изслѣдователя, представившаго возможно-полное и ясное изложеніе вѣроученія, доселѣ сохранившагося, въ разныхъ видахъ, между Чувашиами и Черемисами, у Самоѣдовъ, Остяковъ, Вогуличей, нѣкоторыхъ сибирскихъ Татаръ, Тунгузовъ и другихъ инородцевъ Сибири, у Маньджуровъ, островитянъ Восточнаго Океана и при дворѣ китайскаго богдохана. «Черною вѣрою» или «вѣрою черни» названо оно Монголами по принятіи ими буддизма, называемаго у нихъ «желтою вѣрою»; названіе же «шаманской», подъ которымъ оно болѣе извѣстно въ Европѣ, происходитъ отъ тунгузскаго и маньджурскаго слова *саманъ* (шаманъ), какъ именуютъ они своихъ жрецовъ или волхвовъ.

«Въ чемъ состоитъ шаманство? откуда получило свое начало?» спрашиваетъ Банзаровъ, и самъ отвѣчаетъ на то слѣдующимъ образомъ:

193

«Нѣкоторые полагали, что шаманство одного начала съ брахманизмомъ и буддизмомъ; другіе находятъ въ немъ что-то общее съ ученіемъ китайскаго философа Лаодзы. Вообще думаютъ, что оно состоитъ только въ служеніи злымъ духамъ, въ кривляньяхъ и шарлатанствѣ шамановъ. Наконецъ многіе почитаютъ шаманство боготвореніемъ природы, или сближаютъ его съ зороастровой религіей. Нѣтъ нужды отыскивать такъ далеко начало шаманства, стараться выводить его изъ религіозныхъ системъ вовсе ему чуждыхъ. Ближайшее знакомство съ предметомъ показываетъ, что такъ называемая шаманская религія, по крайней мѣрѣ у Монголовъ, не могла произойти отъ буддизма или другой какой-нибудь вѣры, что она сама собою могла возникнуть въ народѣ, и состоитъ не въ однихъ суевѣріяхъ и обрядахъ, основанныхъ только на шарлатанствѣ шамановъ. Черная вѣра Монголовъ произошла изъ того же источника, изъ котораго образовались многія древнія религіозныя системы; внѣшній міръ—природа, внутренній міръ—духъ человѣка, и явленія того и другаго—вотъ что было источникомъ черной вѣры. Такая основная идея въ религіи, по-видимому, должна быть произведеніемъ духа вникающаго въ самого себя и наблюдающаго надъ природою, и предполагать предварительное умозрѣніе, чего нельзя ожидать отъ номада. Но вотъ что говоритъ объ этомъ знаменитый ученый, который лучше всѣхъ долженъ знать дѣйствіе природы на необразованные народы. «То, что у нѣкоторыхъ лицъ, одаренныхъ замѣчательными способностями», говоритъ А. Гумбольдтъ въ своемъ Космосѣ, «является зачаткомъ философіи природы, разумнымъ созерцаніемъ, то у цѣлыхъ народовъ бываетъ произведеніемъ инстинктивной воспримчивости. Такимъ обра-

зомъ въ глубинѣ этого тайнаго чувства возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, обоготворенію воспринятыхъ естественныхъ силъ.» Если такая инстинктивная восприимчивость склоняетъ человѣка къ боготворенію природы, то подобное же неясное предчувствіе поселяетъ въ немъ понятіе о безсмертіи души, о содѣйствіи или противодѣйствіи какихъ-то существъ въ дѣлахъ его. Подъ вліяніемъ этой идеи, фантазія народа избобрѣгаетъ второстепенныхъ боговъ и производитъ почитаніе душъ усопшихъ. И какъ черная вѣра не представляетъ ничего схожаго съ брахманизмомъ или буддизмомъ, а еще менѣе съ прочими религіями Востока, то заключаемъ, что она возникла въ народѣ, подъ вліяніемъ природы и дѣятельности духа.

«Изъ этихъ двухъ силъ, которыя руководятъ народомъ въ стремленіи его къ вѣрованію, природа сильнѣе дѣйствуетъ на младенчающуюся человѣка: отъ того-то, у Монголовъ, небо, какъ высшій представитель силъ природы, приобрѣло величайшее могущество надъ прочими божествами и подчинило себѣ боговъ, представителей духа. Оно является у Монголовъ верховнымъ божествомъ, источникомъ жизни, которую земля, второе божество въ черной вѣрѣ, только проявляетъ и поддерживаешь. Необходимымъ слѣдствіемъ боготворенія неба и земли было почитаніе солнца, луны, звѣздъ, нѣкоторыхъ воздушныхъ явленій, горъ, рѣкъ, и т. п.

«Съ другой стороны, къ этимъ предметамъ почитанія народа примыкаетъ рядъ геніевъ или второстепенныхъ боговъ (*тэргинеръ*), которые суть представители нашихъ страстей, способностей и дѣйствій; они

вѣчны и произошли отъ неба, подобно душѣ, которой явленія они изображаютъ собою. Наконецъ темное понятіе о безсмертіи души и будущей жизни произвело *онгоновъ*, которые суть не иное что, какъ обожаемыя души умершихъ людей.

«Вотъ въ чемъ заключается шаманство! Если его сравнить съ мифологическими системами древнихъ народовъ Азіи и Европы, то нашлось бы, можетъ быть, замѣчательное сходство между черною вѣрою и другими,— но сходство случайное, или, лучше сказать, естественное, независящее отъ сближенія народовъ.»*

Такъ вѣрно, свѣтло и философически понималъ свой предметъ юный кандидатъ, только-что оставившій университетскую скамью, а десять лѣтъ тому, дитя природы, росшій среди стадъ родимыхъ степей!

Какая разница между этимъ разумнымъ воззрѣніемъ на шаманство и взглядомъ покойнаго О. Іакинѳа, который довольствовался извлеченіемъ изъ маньчжурскаго устава описанія обрядовъ и штатовъ китайскихъ шаманокъ! ** Можно подумать, что два писателя о шаманствѣ имѣли въ виду различную публику, и одинъ писалъ для Европы, а другой для Пекина, и притомъ Монголь смотрѣлъ какъ Европейецъ, а Европейецъ какъ Монголь.

* *Ученыя Записки Казанскаго Университета*, 1846, книжка III, стр. 50.

** См. *Китай, его жители* и проч. СПб. 1840, стр. 314—328.

II.

При выпускѣ изъ университета, Банзаровъ, кромѣ монгольскаго и маньджурскаго языковъ, зналъ русскій какъ второй природный, хорошо понималъ по французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-латынѣ, и имѣлъ свѣдѣнія въ турецкихъ языкахъ, которыми хотѣлъ потомъ болѣе заняться для сравненія съ монгольскимъ. При свѣтлой головѣ, ему понятны были самыя утонченныя вопросы и требованія эрудиціи, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и направленіи обнаруживалъ онъ чисто-европейскій складъ ума, сочувствіе къ современнымъ идеямъ, соучастіе въ жизни и движеніяхъ человѣчества. Кромѣ чингисхановской физиогноміи, ничто не обличало въ немъ средне-азійскаго человѣка.

Такимъ узнали мы его въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ изъ Казани въ концѣ 1847 года. Онъ спѣшилъ познакомиться съ здѣшними ориенталистами, а они съ нимъ. При своей общительности, онъ скоро подружился со всѣми, и взаимный обменъ свѣдѣній, взглядовъ и желаній былъ столь же полезенъ ему, какъ и имъ. Главнымъ занятіемъ его было изученіе монгольскихъ и маньджурскихъ книгъ и рукописей, хранящихся въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ и Публичной Библиотекѣ. Проведя утро въ одномъ изъ этихъ двухъ книгохранилищъ, онъ обѣдалъ гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, и послѣ обѣда, въ скромномъ своемъ уголкѣ, который занималъ у портнаго въ Столярномъ переулкѣ, съ трубкой во рту, обрабатывалъ и соображалъ сдѣланныя имъ выписки.

195

Столь примѣчательная личность не могла не обратиться на себя вниманія ученыхъ. Дорджи Банзаровичъ сдѣлался «львомъ» общества ориенталистовъ. В. В. Григорьевъ, издававшій тогда «Извѣстiя» Географическаго Общества, посвятилъ ему цѣлую страницу въ этомъ ученомъ изданiи. * «Въ то время, какъ Германiя восхищается негритянскимъ *джедтльменомъ*», — писалъ Григорьевъ, — «здѣсь въ Петербургѣ находится монгольскiй *гелертеръ* въ полномъ значенiи этого слова. Это Г. Дорджи Банзаровъ, Монголо-Бурятъ, буддистскаго исповѣданiя. . . . Физиогномiя этого молодого ученаго слишкомъ явственно избличаетъ происхожденiе его отъ одной кости съ Чингисомъ и Батыемъ; но по складу, какой получилъ его умъ чрезъ воспитанiе, онъ могъ бы надѣтъ съ честью докторскiй колпакъ въ любомъ европейскомъ университетѣ.» Г. Бётлингъ сообщилъ о немъ извѣстiе для иностранныхъ читателей въ *Bulletin Академiи Наукъ* **. «Кромѣ монгольскаго», — писалъ онъ, — «Г. Банзаровъ ревностно занимался калмыцкимъ, маньджурскимъ и санскритскимъ, въ которыхъ имѣеть весьма основательныя свѣдѣнiя; изъ европейскихъ языковъ онъ знаетъ русскiй какъ второй природный, и свободно понимаетъ сочиненiя на нѣмецкомъ, французскомъ, англiйскомъ и латинскомъ языкахъ. Наставники и друзья его возлагаютъ на него большiя надежды и ожидаютъ отъ него со временемъ важныхъ открытiй.»

Первая, напечатанная въ Петербургѣ, статья его была *рецензiя*, написанная имъ для журнала «Сѣвер-

* *Географическiя Извѣстiя*, 1848 года, стр. 22, статья: «Монголь съ европейскою ученостью».

** *Bulletin de la classe hist. philol. de l'Acad.*, t. V, N° 4.

ное Обзорніе», на только-что вышедшую тогда «калмыцкую грамматику», казанскаго профессора А. В. Попова. * Банзаровъ хвалилъ этотъ трудъ, но не соглашался съ мнѣніемъ автора о самобытности калмыцкой литературы. «Того, что написали сами Калмыки», — говоритъ онъ, — «слишкомъ мало, чтобъ называть это громкимъ именемъ самобытной литературы; еще менѣе можно сказать о вліяніи на Калмыковъ Восточнаго Туркистана, который самъ вѣчно зависѣлъ отъ сосѣдей; а переводы съ тибетскаго, какъ извѣстно, не должны называться литературою.» ** Какъ справедливо это замѣчаніе Банзарова, доказывается тѣмъ, что въ вышедшей вскорѣ новой грамматикѣ того же языка, А. А. Бобровникова, калмыцкій и монгольскій языки рассматриваются уже нераздѣльно, какъ одно цѣлое. ***

Результатомъ разсмотрѣнія маньджурскихъ книгъ и рукописей Азіятскаго Музея былъ составленный имъ для Академіи *Каталогъ*, напечатанный въ Бюллетенѣ. Онъ раздѣленъ на двѣнадцать отдѣловъ: I. языкознание (словари, разговоры и грамматики); II. «Дзины», или классическія книги (переведенныя съ китайскаго); III. философія и нравственность; IV. географія; V. исторія; VI. законодательство; VII. религія буддійская; VIII. религія христіанская; IX. военное искусство; X. медицина; XI. словесность (историко-романическія преданія, повѣсти и вымышленные рассказы), и XII. смѣсь. Всего разсмотрѣно болѣе ста сочиненій, въ числѣ ко-

* *Грамматика калмыцкаго языка*. А. Попова. Казань, 1847.

** *Сѣверное Обзорніе*, 1848 года, мартъ, отд. критики, стр. 30.

*** *Грамматика монгольско-калмыцкаго языка*. А. Бобровникова. Казань, 1849.

196

торых оказались и нѣкоторые обширные рукописные труды русскихъ оріенталистовъ, остающіеся до сихъ поръ неизданными, какъ-то «Маньджурско-китайско-монгольскій Словарь съ переводомъ на русскій языкъ», «Словарь маньджурско-русскій, содержащій въ себѣ названія должностей, чиновъ и присудственныхъ мѣстъ китайскаго государства», и «Священное Писаніе, переведенное на маньджурскій Липовцовымъ», двадцать одна книга въ трехъ томахъ. *Каталогъ* Банзарова составленъ по порученію историко-филологическаго отдѣленія Академіи, которое просило его также и объ описаніи хранящихся въ этнографическомъ ея музеѣ статуи и живописныхъ изображеній, относящихся къ буддѣйскому вѣроисповѣданію. Банзаровъ, въ короткое время, составилъ и представилъ въ Академію полный *Списокъ* этимъ предметамъ, къ сожалѣнію оставшійся въ рукописи.

III.

Незадолго до прибытія Банзарова въ Петербургъ, ученыхъ ориенталистовъ нашихъ занималъ вопросъ о древне монгольскихъ письменахъ, возбужденный изданною В. В. Григорьевымъ брошурою «О монгольской надписи, найденной въ Восточной Сибири». Надпись эта вырѣзана на серебряной дощечкѣ «неизвѣстными» буквами, которыя впрочемъ бывший начальникъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ, О. архимандритъ Аввакумъ разобралъ безъ труда, прочелъ надпись по-монгольски, и перевелъ такъ: «Силою неба, имя *Мунже-Хана* да будетъ свято; кто не уважить, тотъ погибнетъ, умретъ». Ученый синологъ прочелъ надпись безъ всякаго труда потому, что уже владѣлъ ключомъ къ ея чтенію, разобравъ въ Пекинѣ одну монгольскую граммату XIV вѣка, писанную такими же точно литерами. Прочтя и переведя «неизвѣстныя» письмена на серебряной дощечкѣ, оставалось опредѣлить, какія это письмена, къмъ изобрѣтены, какъ назывались, и когда были въ употребленіи у Монголовъ. Трудъ этотъ взялъ на себя Г. Григорьевъ.

Принимая въ соображеніе, что они не могутъ быть ни «уйгурскія», которыми писаны древніе ярлыки, и отъ которыхъ они совершенно отличаются формою, ни «квадратныя», изобрѣтенныя Пагба-Ламою въ 1269 году, тогда какъ надпись принадлежитъ времени Мѣнке-Хана, умершаго за десять лѣтъ до этого времени, Григорьевъ предположилъ, что буквы эти могли быть

«тангутскія»), объ изобрѣтеніи которыхъ въ XI вѣкѣ говорятъ китайскія лѣтописи.*

Академикъ Шмидтъ вскорѣ выступилъ на поле полемики, опровергая и переводъ надписи, сдѣланный О. Аввакумомъ и заключеній Г. Григорьева о письменахъ. Въ переводѣ онъ принималъ слово *мѣнке* не за собственное имя, а за прилагательное «вѣчный», и потому не относилъ дощечки къ Мѣнке-Хану. Отстранивъ это затрудненіе къ признанію письменъ за изобрѣтенныя Пагба-Ламою, онъ, не обинуясь и безъ дальнихъ доказательствъ, назвалъ спорныя буквы спорной надписи «квадратными».**

Г. Григорьевъ отстоялъ переводъ О. Аввакума и слѣдовательно свое мнѣніе о письменахъ, и ловко уничтожилъ мелкія придирки Шмидта.***

О. Іакинѣвъ также принялъ сторону О. Аввакума, и выписками изъ китайскихъ лѣтописей подтвердилъ возможность «тангутскаго» происхожденія письменъ надписи.****

* Григорьева, *Монгольская надпись времени Мѣнке-Хана* и пр., въ *Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ*, 1846 г., т. XII, и отдѣльно.

** Шмидта, *О монгольской квадратной надписи* и пр., на нѣмецкомъ языкѣ, въ *St. Petersb. Zeitung.*, 1846, N° 253; въ русскомъ переводѣ, въ *СПб. Вѣдом.* того же года N° 249 и въ *Библиот. для Чтенія*, 1846, ноябрь.

*** *Отѣтъ Г. академику Шмидту*, въ *Отечеств. Записк.*, 1846, декабрь, и отдѣльно.

**** О. Іакинѣва, *Замѣчанія по поводу спора о монгольской надписи*, въ *Финск. Вѣсти.*, 1847, май.

Между тѣмъ Шмидтъ, недовольный неуважительнымъ къ его авторитету отвѣтомъ Григорьева, перепечаталъ первую статью свою въ академическомъ Бюллетенѣ, дополнивъ ее новыми доводами въ пользу своего мнѣнія и новыми выходками, не относящимися къ дѣлу.* Григорьеву не трудно было разбить своего противника, запутавшагося въ противорѣчіяхъ самому себѣ, и отстоять Мѣнке-Хана и Тангутъ.**

Тѣмъ и закрылась полемика. Исходъ ея, на глаза безпристрастнаго наблюдателя, обнаруживалъ, что предметъ спора и былъ и остался спорнымъ; что, относительно перевода надписи, могли быть одинаково правы и Аввакумъ и Шмидтъ, одинъ принимая *Мѣнке* за имя хана, другой за простое прилагательное «вѣчный»: потому что расположеніе монгольскихъ словъ двусмысленно и допускаетъ какъ тотъ, такъ и другой оборотъ фразы; а относительно названія письменъ «квадратными» или «тангутскими», какъ Шмидтъ, такъ и Григорьевъ, могли быть равно неправы, не имѣя твердой опоры въ подтвержденіе своей гипотезы, которая, поэтому, и осталась гипотезою, а не доказаннымъ фактомъ. Но ловкостью діалектики, умѣньемъ пользоваться данными и неотразимою логикою, Григорьевъ уничтожилъ всѣ прочіе доводы Шмидта, впрочемъ никогда не отличавшагося ни эрудиціей, ни талантомъ, и еще прежде претерпѣвшаго не мало поражений отъ Клапрота и отъ О. Іакинаа. Шмидтъ померъ, когда Банзаровъ былъ на пути изъ Казани въ Петербургъ.

* Шмидтъ, въ *Bullet. de la classe histor. philol. de l'Académie*, t. IV, N° 9.

***Второй отвѣтъ Г. академику Шмидту, въ Финск. Вѣстн.*, loc. cit.

Петербургскимъ ориенталистамъ желательно было услышать голосъ природнаго ученаго Монгола о неконченномъ спорѣ, и Банзарову вскорѣ представился случай высказать о томъ свое мнѣніе. Онъ сказалъ прямо, что, по его убѣжденію, «Шмидтъ большею частью былъ неправъ», и приговоръ этотъ напечатанъ въ томъ же академическомъ Бюллетенѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ раздавался самоувѣренный голосъ Шмидта.*

Первая статья Банзарова, подъ заглавіемъ *О двухъ среднеазійскихъ алфавитахъ*, посвящена была опредѣленію «квадратныхъ» и «тангутскихъ» письменъ. Настоящими «совершенно квадратными», изобрѣтенія Пагба-Ламы, призналъ онъ тѣ, какими надписанъ заголовокъ на ярлыкѣ супруги хана Дарма-Балы. Самый же ярлыкъ писанъ тѣми же почти литерами, какъ и надпись на дощечкѣ. Разность этихъ литеръ отъ «совершенно квадратныхъ», какими надписанъ заголовокъ ярлыка, объясняется существующею во всѣхъ почти письменахъ разностью между скорописью и уставнымъ письмомъ. Что письмена эти слѣдуетъ признать такъ называемыми «квадратными», изобрѣтенными Пагба-Ламой и введенными въ употребленіе въ 1269 году, доказывалъ Банзаровъ тѣмъ, что ими писаны официальные акты 1314—1321 годовъ, только сорокъ пять лѣтъ послѣ утвержденія императоромъ «квадратной» азбуки, въ теченіе которыхъ не было выдумано ни какой другой азбуки, а только усовершенствована Пагбина. Образцомъ «тангутекаго» письма призналъ онъ нѣсколько строкъ, приведенныхъ въ одномъ тибетскомъ сборникѣ

* *Bullet. de la cl. hist. phil.*, t. V, N° 9.

алфавитовъ * и имѣющихъ также совершенно квадратную форму. Тибетскій компиляторъ назвалъ буквы эти «русскими», за какія принялъ-было ихъ и Г. Бёглингъ; но «народомъ Желтой Равнины», какъ *теперь* называютъ Русскихъ въ Тибетъ, называлась у нихъ въ древности не Россія, о которой не могли доходить туда и слухи, а какой-либо другой народъ. Названіе это составлено по той же формѣ какъ и названіе Китая и Индіи, извѣстныхъ у нихъ подъ именемъ «Черной» и «Бѣлой Равнинъ»; слѣдовательно, названіе «Желтой» должно принадлежать также одной изъ сосѣдственныхъ странъ Тибета. Кто-жъ могъ быть извѣстенъ Тибетцамъ подъ этимъ названіемъ? Туркистанъ? — но тамъ употреблялись письмена уйгурскія, арабскія и можетъ-быть сирійскія, вовсе не схожія съ приводимыми подъ названіемъ «изъ Желтой Равнины». Монголы, Персы или южные сосѣди? — но они извѣстны были Тибетцамъ подъ ихъ собственными именами, и письмена ихъ также не Желтой Равнины. Кидань или Ню-джи? — неизвѣстно, какъ называли ихъ Тибетцы, но извѣстны ихъ азбуки на-манеръ китайской и не имѣющія ни малѣйшаго сходства съ «желтыми». ** Остается одинъ Тангутъ, и этому-то государству приписалъ Банзаровъ письмена Желтой Равнины.

Это изслѣдованіе прибавило и разъяснило не мало новыхъ данныхъ о письменахъ, употреблявшихся въ XI по XIV вѣкъ въ Средней Азіи.

* Книга № 590 по *Каталогу библиотеки Азіятскаго Департамента*. СПб., 1843.

** Образцы киданьскаго и нюджискаго письма изображены на таблицѣ, приложенной ко II тому *Статист. Описанія Китая*, О. Іакинѣа, СПб., 1842.

Вскорѣ неожиданная находка новой серебряной дощечки съ монгольскою надписью несказанно обрадовала нашего изыскателя. Академія Наукъ поручила ему разобрать надпись, и Банзаровъ, не медля, представилъ ей свое *Объясненіе монгольской надписи на серебряной дощечкѣ, найденной въ Екатеринославской губерніи*. Эта дощечка главнымъ содержаніемъ своей надписи сходна была съ первою, только моложе, именно золото-ордынскаго хана Абдуллаха, царствовавшаго въ шестидесятихъ годахъ XIV столѣтія, и писана не квадратными, а уйгурскими буквами. Кромѣ филологическаго объясненія надписи, Банзаровъ сообщилъ въ ней еще нѣсколько новыхъ замѣчаній о первой дощечкѣ.*

Оба эти изслѣдованія (о среднеазійскихъ алфавитахъ и объ екатеринославской дощечкѣ) представлены были Банзаровымъ въ Академію на русскомъ языкѣ, а изданы ею только въ нѣмецкомъ переводѣ. Это обстоятельство и побудило меня просить его, дать напечатать подлинныя статьи по-русски въ «Запискахъ Археологическаго Общества». Дорджи, между тѣмъ, вычиталъ еще многое объ этихъ дощечкахъ, и въ декабрьскомъ засѣданіи Общества (того же 1848 года) представлено было его новое, болѣе полное изслѣдованіе, результатъ всѣхъ разысканій объ этомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: *Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ*.

* Въ 1853 году найдена въ Забайкальской области третья подобная дощечка, почти совершенно схожая съ изданною Григорьевымъ. Описаніе ея сообщено мною въ IX томѣ *Записокъ Археолог. Общ.*, стр. 34 — 38, и II части *Трудовъ Восточн. Отд.*, стр. 161 — 165.

Въ то же засѣданіе онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Общества.

Что такое *найзе*? — Этимъ словомъ у персидскихъ историковъ монгольскаго періода названы жалованныя ханами дощечки съ надписями; слѣдовательно, это названіе и тѣхъ дощечекъ, которыя занимали нашихъ ориенталистовъ. Банзаровъ отыскалъ извѣстія о существованіи этихъ *найзе* и въ персидскихъ писателяхъ, и въ путешествіи Марко-Поло, и въ ярлыкѣ Бирдибекъ-Хана, данномъ Алексѣю Митрополиту, гдѣ сказано: «*байсу* да ярлыкъ съ алою тамгою дали есмы на утверженіе вамъ». Такимъ образомъ, отдаленный вопросъ о древне-монгольскихъ письменахъ приведенъ былъ, благодаря изслѣдованіямъ Банзарова, въ соприкосновеніе съ памятниками отечественной старины, и послужилъ къ объясненію русскаго текста грамматы, пожалованной кіевскому митрополиту.

Въ помянутой статьѣ, кромѣ своего перевода надписей двухъ дощечекъ, изслѣдованія о письменахъ ихъ и о назначеніи этихъ металлическихъ знаковъ, Банзаровъ снова коснулся спорной надписи на дощечкѣ, приписанной О. Аввакумомъ и Григорьевымъ Мѣнке-Хану, и успѣшно или по крайней мѣрѣ остроумно объяснилъ, почему слово *мѣнке* вырѣзано на дощечкѣ особою строкою, какъ пишутся лишь собственныя имена хановъ, по китайскому обыкновенію. «Можно думать», говоритъ онъ, «что оно попало въ красную строку по ошибкѣ гравера-Китайца, не знавшаго монгольской грамоты, или что это еще слѣды обычая царствованія Мѣнке-Хана. При немъ эти дощечки уже были въ употребленіи у Монголовъ. Изъ лести, или для приданія надписи современной важности, могли

200

монгольскіе секретари хана Мёнке ставят нарочно слово *мёнке*, которое собственно должно стоять передъ *тенгри*, сверху между двумя строками такъ, чтобы оно могло быть отнесено къ обѣимъ: въ первой строкѣ оно значило «вѣчный», а во второй является собственнымъ именемъ царствующаго хана. Но въ-послѣдствіи, когда, при Хубилаѣ, стали переписывать эти надписи новыми буквами Пагбы, которыми вѣрно писать всё государственныя дѣла, слово *мёнке* могло писаться, благодаря привычкѣ Китайцевъ держаться строго старины, въ томъ положеніи, какъ оно писалось при Мёнке-Ханѣ. «Конечно, это догадка», заключаетъ авторъ: «но только ею и можно объяснить, почему *мёнке* страннымъ образомъ поставлено въ надписи между строками.»

Желая принять дѣятельное участіе въ трудахъ Общества, которое, неожиданно для него, почтило его званіемъ члена-корреспондента, Банзаровъ вскорѣ представилъ въ Археологическое Общество замѣчанія свои *О восточныхъ названіяхъ некоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій*. Это не ученое изслѣдованіе, какъ говоритъ и самъ авторъ, а только первый опытъ истолкованія названій нѣкоторыхъ старинныхъ вооруженій русскихъ словами монгольскаго и турецкаго языка. Въ этой статьѣ объяснены значеніе и происхожденіе пяти названій: «куякъ, бахтерець, тегилэй, джидъ и сайдакъ», и кромѣ того высказано нѣсколько замѣчаній о томъ, какимъ образомъ могло распространяться на Руси заимствованіе оружія отъ Монголовъ.

IV.

Полгода пребывания въ Петербургѣ были лучшей порою духовной жизни Банзарова. Имѣя доступъ въ богатѣйшія книгохранилища и музеи столицы, открывая то одинъ, то другой новый фактъ для науки, видя труды свои цѣнимыми и Академією и Археологическимъ Обществомъ, а послѣ утомительныхъ трудовъ проводя время въ изученіи современной исторіи или въ бесѣдѣ съ учеными, принимавшими живое участіе въ ходѣ его занятій, Банзаровъ былъ дѣятеленъ и доволенъ, и едва ли желалъ разстаться съ Петербургомъ.

Кромѣ исчисленныхъ уже изслѣдованій, оконченныхъ имъ въ Петербургѣ, его занимали еще два труда, которые онъ не успѣлъ здѣсь вполне окончить.

Первый — объясненіе монгольской надписи на такъ называвшемся до тѣхъ поръ «чингисхановомъ памятникѣ», — плитѣ, привезенной изъ Сибири и вѣланной нынѣ въ стѣну у дверей Азіятскаго Музея. Сознывая всю невѣрность нѣмецкаго перевода, выданнаго Шмидтомъ,* и желая отчетливо и добросовѣстно разобрать и объяснить этотъ любопытный памятникъ монгольской древности, Банзаровъ цѣлыя недѣли проводилъ у пли-

* Еще въ статьѣ о *пайгѣ* писалъ Банзаровъ: «По ближайшемъ разсмотрѣніи надписи на самомъ камнѣ, можно замѣтить, что чтеніе и переводъ ея не такъ вѣрны, какъ думалъ покойный монголистъ.»

201

ты, копируя надпись, въ подлинную ея величину, черта въ черту, на прозрачной бумагѣ. Этотъ пригготовительный трудъ, т. е. вѣрный снимокъ, былъ сдѣланъ; оставалось прочесть, перевести и объяснить надпись. Филологическія трудности не разъ его останавливали и приводили въ отчаяніе, но наконецъ добился онъ вполне отчетливаго чтенія и смысла надписи. Съ торжествующимъ лицомъ триумфатора, забѣжалъ онъ къ своимъ пріятелямъ, чтобы сообщить имъ свое *эврика!* Набросавъ на бумагу свои замѣтки, онъ взялъ ихъ съ собою при отъѣздѣ изъ Петербурга, чтобы привести ихъ въ порядокъ и прислать, вмѣстѣ съ снимками, для изданія въ Запискахъ Археологическаго Общества.

Другой трудъ, который онъ также хотѣлъ приготовить къ изданію, но не кончилъ и вчернѣ — это объясненіе еще неизвѣстнаго въ Европѣ ярлыка, даннаго въ 1321 году вдовствующею ханьшею, супругою императора Дарма-Балы. Снимокъ съ этой ланидарной грамматы снятъ былъ почтеннымъ О. Аввакумомъ во время пребыванія его въ Пекинѣ, и Банзаровъ скопировалъ ее съ этого снимка. Онъ пользовался ею уже при составленіи статьи своей «о среднеазійскихъ алфавитахъ.»

Кромѣ этихъ двухъ историко-филологическихъ изслѣдованій, Дорджи имѣлъ въ виду приготовить къ изданію текстъ и переводъ, съ критическими объясненіями, еще мало извѣстной, но любопытной монгольской лѣтописи *Алтанъ-Тобчи*. И этотъ трудъ, который могъ быть столь важнымъ для исторіи Монголовъ, не успѣлъ кончить Банзаровъ.

Въ маѣ 1848 года Дорджи простился съ Петербургомъ, не думая впрочемъ, что навсегда.

Онъ былъ уволенъ изъ сословія казаковъ, къ которымъ причислены нѣкоторые бурятскіе роды, и опредѣленъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Г. генераль-губернаторѣ Восточной Сибири, съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго секретаря.

Археологическое Общество, узнавъ объ отъѣздѣ Банзарова, и желая, съ своей стороны, чтобы пребываніе ученаго монголиста въ Сибири послужило на пользу науки объясненіемъ сохранившихся тамъ памятниковъ древности, ещеникъмъ достаточно не объясненныхъ, поручило Банзарова, какъ своего корреспондента, вниманію Г. генераль-губернатора, и Его Превосх. Н. Н. Муравьевъ, съ свойственною ему просвѣщенной внимательностью, отвѣчалъ, что охотно исполнить желаніе Общества доставленіемъ, при случаѣ, члену-корреспонденту Банзарову возможности посѣщать мѣста, любопытныя для археологическихъ изслѣдованій.*

* См. *Записки Археол. Общ.* т. III, переч. засѣд., стр. 20 и 56; *Труды Восточн. Отд.*, ч. I, стр. 296 и 299.

202

V.

Въ Казани, Банзаровъ хотя недолго пробылъ до своего отъезда въ Иркутскъ, но не оставался празднымъ.

Профессоръ казанскаго университета П. Н. Березинъ печаталъ тогда текстъ и переводъ татарской лѣтописи Шейбанидовъ, *Шейбани-наме*, заключающей въ себѣ вкратцѣ и древнѣйшую исторію Монголовъ и Турковъ. Ученый профессоръ желалъ воспользоваться свѣдѣніями своего сотоварища въ монгольской литературѣ для поясненія нѣкоторыхъ вопросовъ древности монголо-туркской, и Банзаровъ взялся написать нѣсколько примѣчаній къ этой книгѣ.

Четыре, написанныя имъ статьи, не смотря на краткость, представляютъ результатъ обширной начитанности и долгихъ соображеній, и тѣмъ болѣе важны, что касаются колыбели монгольскаго народа.

Ученый Монголь задалъ себѣ рѣшить темныя задачи: о происхожденіи названія *Монголовъ*, имени *Чингисъ*, названій *Эргене-хона* и *Уйгуровъ*, — вопросы, интересные и для изслѣдователя монгольскаго періода русской исторіи.

Отвергая прежнія этимологіи имени «Монголь», Банзаровъ принимаетъ самую естественную: *Монголъ* и значитъ *Мон-голъ*, т. е. «Монъ-рѣка». «Монголы», слѣдовательно, «жители рѣки Монъ», какъ Ширай-голы жители Желтой рѣки (Шира-голъ). А что, въ имени *Монголъ*, слово *Монъ* есть собственное имя, доказывается тѣмъ, что многіе владѣтели этого поколѣнія

назывались «монскими», какъ на примѣръ *Монъ-ханъ*, «монскій ханъ», *Мона-муръ*, «монская княжна». Гдѣ же эта «рѣка *Монъ*», давшая имя Монголамъ? На сѣверномъ берегу Желтой рѣки доселѣ есть «гора *Мона*»; здѣсь же должно искать и рѣки того же имени; въ XV столѣтіи она еще была извѣстна. Древніе Монголы приносили здѣсь жертвоприношенія, что указываетъ на сохранившееся у нихъ историческое воспоминаніе объ этой колыбели своихъ предковъ. Для начала имени *Монголъ* и политическаго значенія въ степи поколѣнія, извѣстнаго подъ этимъ именемъ, нашъ Монголь-монголистъ принимаетъ первую половину IX столѣтія, съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго отвергая древнѣйшее существованіе этого поколѣнія, которое европейскіе оріенталисты, Дегинъ, Шмидтъ и О. Іакинъ, по недостатку критическихъ соображеній, возводили даже до Рождества Христова. До эпохи Чингисъ-Хана, по мнѣнію Дорджи, монгольское поколѣніе не имѣло никакого значенія въ степи.

Что значитъ слово *Чингисъ*, какъ офиціально прозвалъ себя Темучинъ, выдвинувшій Монголовъ на поприще исторіи? Вопреки европейскимъ этимологамъ, по мнѣнію Банзарова, оно не монгольское. Основываясь на отрывочныхъ китайскихъ извѣстіяхъ, онъ полагаетъ, что это былъ древній титулъ великихъ хановъ народа Хюн-пу, владѣвшаго всею Монголією до конца перваго столѣтія отъ Р. Х., равносильный китайскому титулу «Сынъ Неба». Преданіе могло удержать въ памяти, что ханъ, владѣющій всею Монголією, долженъ называться *чингисъ*; Темучинъ поэтому и назвалъ себя Чингисомъ.

Эргенъ-Конъ — такъ названа у мусульманскихъ историковъ долина, гдѣ было первое пребываніе Монго-

ловъ. Отыскавъ корни этихъ двухъ словъ, Банзаровъ доказалъ, что они древне-монгольскія и значатъ «крутой яръ». Отыскивать эту долину слѣдуетъ въ южной Монголіи, въ горахъ которой встрѣчается нѣсколько названій *Эргенекъ* и *Хонъ*.

Большая часть европейскихъ ориенталистовъ, и въ новѣйшее время Сенковскій и мирза Каземъ-Бекъ, объясняли названія *Ойратъ* и *Уйгуръ* словами турецкаго корня, означающими «союзъ» и «союзниковъ». Дорджи, не раздѣляя этого мнѣнія, производитъ эти два названія отъ монгольскихъ *ой-аратъ* и *уй-гуръ*, «лѣсные народы», доказывая и историческими извѣстіями, что поколѣнія эти дѣйствительно обитали въ «лѣсной» части Монголіи, составляя, съ VIII столѣтія, одно политическое тѣло.

Это четыре небольшія изслѣдованія бросаютъ не мало свѣта на древнюю исторію Средней Азіи, разрѣшая просто и логически то, что казалось дотолъ столь запутаннымъ и темнымъ.

VI.

Въ Казани и Иркутскѣ, куда прибылъ Банзаровъ на службу въ 1849 году, онъ обработалъ окончательно изслѣдованіе свое *О монгольской надписи съ именемъ Чингисъ-Хана*, начатое, какъ упомянуто выше, въ Петербургѣ. Рукопись и снимокъ съ надписи, во всю ея величину, присланы были ко мнѣ уже изъ Иркутска.

Статья эта напечатана въ третьемъ томѣ Записокъ Археологическаго Общества, и также отдѣльно, со снимкомъ надписи, уменьшеннымъ посредствомъ камеры-обскуры и переведеннымъ на бумагу по способу Тальбота. Снимокъ этотъ былъ едва ли не первое приложение фотографіи къ археологіи.

Въ предисловіи къ статьѣ разсказана исторія памятника и попытокъ объяснить его надпись.

Когда привезенъ былъ камень этотъ въ Петербургъ, Шмидтъ издалъ описаніе его и переводъ надписи. Трудности и отсутствіе смысла его не останавливали, и онъ самоувѣренно выдалъ за Чингисъ-ханову эту надпись, переведенную имъ «безъ труда» на нѣмецкій языкъ слѣдующимъ образомъ:

«Отъ Чингисъ-Хана, когда онъ, покоривъ сартагольскій народъ, воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временъ всѣхъ монгольскихъ народовъ, всѣмъ тремъ стамъ тридцати демонамъ, въ знакъ изгнанія.»

Напрасно логика недоумѣвала въ смыслѣ, приданомъ столь важному памятнику, — Шмидтъ увѣрялъ, что переводъ его «вѣренъ» и не терпѣлъ возраженій.

Природный Монголь, ученый основательный и притомъ съ свѣтлою головой, Дорджи Банзаровъ, еще не видѣвъ самага памятника, сознавалъ невѣрность объясненія. «Я сдѣлалъ съ надписи возможно вѣрный снимокъ во всю величину», говоритъ онъ, «и по внимательномъ разсмотрѣннн надписи на самомъ камнѣ, удостовѣрился, что снимокъ Г. Шмидта не совсѣмъ вѣренъ, а переводъ его требуетъ исправленій. Объясняя вновь надпись, я не позволялъ себѣ ни малѣйшаго произвола при чтеніи: отъ того нашлись въ ней такіа слова, которыя неизвѣстны въ нынѣшнемъ языкѣ Монголовъ, но могли быть въ употребленіи въ XIII столѣтнн. Г. Шмидтъ поступилъ въ этомъ случаѣ слишкомъ произвольно, и всю надпись «объяснилъ» и «очень легко» современными словами.»

Затѣмъ разбираетъ Банзаровъ каждое сомнительное слово надписи, приводитъ филологическіа доказательства въ пользу своего чтенія, и въ результатъ выходитъ простой и ясный смыслъ надписи. Вотъ какъ переводитъ ее Банзаровъ:

«Когда Чингисъ-Ханъ, послѣ нашествія на народъ Сартагуль, возвратился, и люди всѣхъ монгольскихъ поколѣній собрались въ Буга-Сучигаъ, то Исункѣ получилъ въ удѣлъ триста тридцать пять воиновъ хонгодорскихъ».

Изъ этого видно, что памятникъ поставленъ въ честь Исункѣ, племянника Чингисъ-Хана, давшаго ему въ

удѣль 335 воиновъ или тогдашній полкъ, а не въ честь «изгнанія 335 демоновъ».

Эта раздача удѣловъ подтверждается и свидѣтельствомъ знаменитаго персидскаго историографа Монголовъ Решидь-Эддина, который пишетъ, что Чингисъ-Ханъ «далъ по полку каждому изъ своихъ племянниковъ, въ томъ числѣ и Исункѣ». Тотъ же историкъ пишетъ, что юрть или мѣстопробываніе Исункѣ находился близъ береговъ Аргуни: близъ этой рѣки, у рѣчки Кыркоръ, и найденъ памятникъ, о которомъ идетъ рѣчь; онъ стоялъ среди развалинъ, вѣроятно дворца поименованнаго въ надписи князя Исункѣ.

«Въ историческомъ отношеніи,» заключаетъ Банзаровъ, «наша надпись замѣчательна, какъ древнѣйшій образчикъ монгольской письменности, и какъ выраженіе того памятнаго въ исторіи Азіи и Европы момента, когда Чингисъ-Ханъ, на хурилтаѣ (сеймѣ), раздавалъ царства своимъ потомкамъ, и тѣмъ надолго рѣшилъ судьбы многихъ странъ и народовъ, въ томъ числѣ и Россіи.»

Это примѣчательное изслѣдованіе Банзарова было и послѣднее имъ обработанное.

dos

VII.

Банзаровъ отъ природы былъ добръ до безхарактерности и мягокъ до слабости. Въ обществѣ ученыхъ, въ Казани и Петербургѣ, онъ былъ ученый, преданный своему дѣлу, и по идеямъ космополитъ съ монгольской физиогноміей. Въ Иркутскѣ, ни съ кѣмъ еще не знакомый, не встрѣчая, можетъ быть, того сочувствія, которое составляетъ необходимую поддержку личностей слабыхъ, онъ сталъ дичать; брататься лишь съ грязными Бурятами, къ которымъ влекло его чувство національности; чуждаться всякаго общества и знакомства. Любопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, прослѣдить этотъ обратный переходъ изъ Европейца въ Бурята... Оставленный въ европейской сферѣ, нашъ Бурятъ окончательно перешелъ бы въ Европейца; образованіе вошло бы въ кровь и плоть. Вступивъ же въ соприкосновеніе съ людьми полудикими, но родными ему по лицу, по языку, по вѣрѣ, по преданіямъ, дорогими по неизгладимымъ воспоминаніямъ дѣтства, Дорджи невольно увлекся чувствами. Къ понятному сочувствію къ своимъ родичамъ примѣшивалось, конечно, и сознаніе собственнаго достоинства и чувство самолюбія, потому что соплеменники смотрѣли на него какъ на чудо, уважали и чтили его, не смотря на его европейскую одежду и стриженую голову безъ косы.

Къ казанскимъ и петербургскимъ друзьямъ своимъ онъ, въ теченіи пяти лѣтъ, едва написалъ нѣсколько

коротенькихъ писемъ, не смотря на ихъ запросы и побужденія.

Когда учредился въ Иркутскѣ Сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, его, въ первое же собраніе, избрали въ члены-сотрудники (1 декабря 1851 года); но рѣдко видѣли его въ засѣданіяхъ Отдѣла: онъ присутствовалъ тогда только, когда кто-нибудь за нимъ заѣзжалъ и насильно тащилъ съ собою въ засѣданіе.*

Въ протоколахъ Отдѣла только дважды встрѣчаемъ его имя, по случаю представленія имъ отзыва объ одной статьѣ и перевода съ монгольскаго *Путешествія Зал-Хилби въ Тибетъ*.

Но, не участвуя непосредственно въ трудахъ Отдѣла, Дорджи, по своей обширной начитанности, все-таки былъ весьма полезенъ многимъ изъ своихъ сочленовъ сообщеніемъ имъ той или другой мысли о древностяхъ и топографіи южной Сибири, и такому изустно выраженному мнѣнію Банзарова обязаны мы открытіемъ мѣста рожденія Чингисъ-Хана въ предѣлахъ Россіи.

Вотъ какъ это было.

Членъ сотрудникъ Сибирскаго Отдѣла Г. Юренскій, отправляясь въ поѣздку по Нерчинской Даурии, совѣтовался съ Банзаровымъ, который, сообразивъ маршрутъ его, указалъ путешественнику на мѣстность, гдѣ должно отыскивать мѣсторожденіе великаго монгольскаго завоевателя.

* Сообщено мнѣ ученымъ дѣлопроизводителемъ Сибирскаго Отдѣла Ю. И. Штубендорфомъ.

206

Мѣсто рожденія Чингисъ-Хана, у лучшаго историка монгольскихъ родовъ и династій, Решидъ-Эдина, названо *Дилмонъ-Булдакъ*¹; такъ же и у Хондемира.² У Санаъ-Сецена, *Делигюнъ-Булдокъ*.³ Имя это, по нынѣшнему монгольскому произношенію *Дэ-монъ-Болдокъ*, значитъ «Селезенка-холмъ.» У Абульгазы оно искажено въ *Белмонъ-Юлдукъ*⁴ и *Бекунъ-Ялдукъ*⁵; у Китайцевъ, *Тьмсинь* (Дэлигюнъ-)-*Шанто* (-Болдокъ).⁶

По соображеніямъ Банзарова, эту мѣстность слѣдовало искать недалеко отъ такъ называемаго по-монгольски «Большаго острова» (Экè-аралъ). Г. Юренскій, осмотрѣвъ наши пограничныя караулы и объѣхавъ побережье рѣки Онона, дѣйствительно нашелъ мѣстность доселѣ сохраняющую названіе *Делмонъ-Болдокъ*: она находится на правомъ берегу Онона, въ семи верстахъ отъ Экè-арала или Большаго острова, выше по теченію рѣки, въ трехъ верстахъ отъ Кочуевского караула.

Осмотрѣвъ мѣстность эту глазомъ топографа, путешественникъ передалъ описаніе ея Банзарову, который

¹ دیلون بولداق

² Григорьева, *Истор. Монгол.*, стр. 13. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Хондемира неправильно دیلون یلداق *Дилмонъ-Ялдакъ* (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1844, т. XLIV, отд. II, стр. 36).

³ *Ssanang-Sselsen*, ed. SCHMIDT, p. 379.

⁴ *Blouin-Youldouk*, *Блунъ-Юлдукъ*, по старинному французскому и русскому переводамъ Абульгазы.

⁵ بكون یلداق по печатному казанскому изданію текста, стр. 41.

⁶ Іакинѣа, *Истор. четырехъ Хановъ*, стр. 38.

хотѣлъ составить особую записку о мѣстѣ рожденія грознаго завоевателя.*

Не знаемъ, успѣлъ ли онъ кончить эту записку; во всякомъ случаѣ, ему принадлежитъ честь указанія на мѣсто рожденія Чингисъ-Хана.

* См. *Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1854 годъ*, стр. 68.

208

VIII.

Здоровье Банзарова было давно разстроено. Страдая какою-то скрытою болѣзью, онъ перемогался, не довѣрялъ врачамъ, и самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Такимъ образомъ онъ часто прихварывалъ и выздоравливалъ, и никто не подозрѣвалъ, чтобы онъ носилъ въ себѣ зародышъ преждевременной смерти. Въ послѣднихъ числахъ февраля, одинъ изъ членовъ Сибирскаго Отдѣла зашелъ къ нему съ разными учеными запросами, — и былъ пораженъ, увидѣвъ его мертваго на кровати. Кончина его была скоростигшая.

Въ Иркутскѣ не было ламы; но благопріятный случай далъ возможность устроить великолѣпныя буддійскія похороны, еще невиданныя въ Иркутскѣ. Незадолго до смерти Банзарова находился въ городѣ и только-что выѣхалъ оттуда хамбо-лама или начальникъ буддійскаго духовенства. По приказанію генераль-губернатора, послали нарочнаго воротить его съ дороги, для погребенія Дорджи. Устроена была печальная колесница, на которую поставили гробъ. Колоссальная фигура хамбо-ламы, и находившіеся при немъ простые ламы, въ желтой одеждѣ, читая буддійскія молитвы, сопровождали тѣло за городъ. Господинъ генераль-губернаторъ и чиновники его канцеляріи отдали послѣдній долгъ умершему. Весь Иркутскъ стекался на похороны. Въ числѣ проводившихъ находился и извѣстный нашъ синологъ, отецъ архиман-

дрить Аввакумъ, уважавшій познанія Дорджи и только-что возвратившійся изъ японской экспедиціи.*

Это было втораго марта 1855 года.

Съ Банзаровымъ рушились надежды ученыхъ на скорое объясненіе монгольскихъ древностей южной Сибири, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе истребляемыхъ временемъ. Много могъ бы онъ сдѣлать для науки; почтимъ память даровитаго и ученаго монголиста и за то, что онъ успѣлъ совершить.

Какъ изслѣдователь среднеазійской древности, онъ заслужилъ себѣ мѣсто между европейскими ориенталистами; какъ Буряты, показавъ, что дарованія и просвѣщеніе могутъ быть удѣломъ и этого поколѣнія, которое съ гордостью можетъ приводить его имя, какъ представителя своего въ области науки.

Блескъ примѣчательной личности отражается и на народѣ, и Буряты отнынѣ приобрѣли право на болѣе вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ.

Въ июль 1855.

* Почтенному О. Аввакуму я и обязанъ за сообщеніе этихъ свѣдѣній о смерти и погребеніи Банзарова.

208

СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ БАНЗАРОВА

(въ хронологическомъ порядкѣ).

1. Черная вѣра или шаманство у Монголовъ. (Ученыя Записки Императ. Казан. Универс., 1846 г., книжка III, стр. 53—120).

2. Разборъ сочиненія: Грамматика Калмыцкаго языка, А. Попова. (Сѣверное Обозрѣніе, 1848, мартъ, отд. критики, стр. 30—32).

3. Ueber zwei mittelasiatische Alphabete; von Dordshi Banzarow. Mit einer Nachschrift von O. Böhtlingk. Mit einer lithographischen Tafel. (Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie des sciences, t. V, n° 4).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, 3 марта 1848.

4. Каталогъ книгамъ на маньчжурскомъ языкѣ, находящимся въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, составленный Д. Банзаровымъ. (Bulletin de la cl. hist. philol., t. V, N° 6).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, 31 марта 1848.

5. Списокъ статуямъ и живописнымъ изображеніямъ буддйскихъ божествъ и боготворяемыхъ буддистами лицъ, также буддйскимъ вѣщамъ, находящимся въ Этнографическомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ.

Представлено въ засѣданіи истор.-филолог. отд. Академіи, 5 мая 1848 г.; не напечатано.

6. Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement, auf den Gütern des Herrn Barons A. Stieglitz, ausgegrabenen Silberplatte. Mit einer lithographirten Tafel. (Bullet. de la classe hist. de l'Acad., t. V, N° 9).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи, 19 мая 1848. Дополненіемъ къ этой статьѣ служить другая, написанная, по отъѣздѣ Банзарова изъ Петербурга, Г. Бётлингомъ и читанная въ собраніи того же отдѣленія, 16 іюня 1848, подъ заглавіемъ: Nachtrag zu der in N° 9 dieses Bulletins gegebenen Erklärung einer mongolischen Inschrift auf einer Silberplatte; von O. Böhlingk (Bullet. de la cl. hist. phil., t. V, N° 12).

7. Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савельева. (Записки Археол. Общест., т. II, стр. 72—97).

Представлено въ засѣданіи Археологическаго Общества 13 декабря 1848 г.

Переводъ этой статьи на нѣмецкій языкъ напечатанъ въ Mémoires de la Société Impér. d'archéologie, t. V, pp. 328—339, и t. VI, pp. 441—448, подъ заглавіемъ: Paise oder Metallplatten mit den Befehlen der mongolischen Chane als Inschrift.

8. О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій. (Записки Археол. Общ., т. II, стр. 352—358).

Написано въ Петербургѣ, въ 1848 году; напечатано въ 1849.

9. О происхожденіи имени Монголь. (Библиотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березинымъ, томъ I, приложение II, стр. 10—14).

10. О происхожденіи слова Чингисъ. (Тамъ же, приложение III, стр. 11—12.)

11. О названіи Эргенё-Хонь. (Тамъ же, прилож. IV, стр. 11—12.)

12. Обь Ойратахъ и Уйгурахъ. (Тамъ же, прилож. V, стр. 127 — 129).

Эти четыре статьи написаны частью въ Петербургѣ, частью въ Казани, въ 1848 г.; напечатаны въ 1849 году.

13. Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ князя Исункѣ, племянника Чингисъ-Хана. (Зап. Археол. Общ., т. III, стр. 268—292).

Представлено въ засѣданіи Археологическаго Общества 16 октября 1850 года.

Исслѣдованіе это начато Банзаровымъ въ Петербургѣ въ 1848 г. и окончено въ Иркутскѣ въ 1850. Снимокъ надписи сдѣланъ имъ, чрезъ прозрачную бумагу, въ настоящую величину; съ этого снимка сдѣланъ уменьшенный фотографическій снимокъ, съ котораго и отлитографированъ рисунокъ, приложенный къ статьѣ.

Отпечатано и отдѣльно въ числѣ 50 экземпляровъ, подъ заглавіемъ:

Монгольская надпись на памятникѣ князя Исункѣ, племянника Чингисъ-Хана, объясненная Дорджи Банзаровымъ, член. корresp. Имп. Археол. Общ., съ предисловіемъ П. Савельева, чл. основ. и секретаря того же Общ., и съ приложеніемъ снимка съ надписи. С. Петербургъ, 1851, 8^о, 27 стр.

14. Путешествіе Зая-Хамбы въ Тибетъ. Переводъ съ монгольскаго.

Представлено въ засѣданіи Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1852 года; не напечатано.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стран.
I. Происхождение Банзарова. Воспитаніе. Поступленіе въ казанскую гимназію и въ университетъ. Первый ученый трудъ.	5
II. Пребываніе въ Петербургѣ. Образъ жизни и ученія занятія	12
III. Его изслѣдованія о монгольскихъ надписяхъ и письменахъ	16
IV. Отъѣздъ изъ Петербурга. Неконченныя труды.	22
V. Занятія его въ Казани	27
VI. Изслѣдованіе его о монгольской надписи съ именемъ Чингисъ-Хана	30
VII. Образъ жизни въ Иркутскѣ. Участіе въ трудахъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Открытіе мѣста рожденія Чингисъ-Хана	33
VIII. Болѣзнь и кончица. Похороны	37
IX. Списокъ сочиненій Банзарова	39

43

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание

I. Предисловие	1
II. Описание местности и ее значение	2
III. Описание местности и ее значение	3
IV. Описание местности и ее значение	4
V. Описание местности и ее значение	5
VI. Описание местности и ее значение	6
VII. Описание местности и ее значение	7
VIII. Описание местности и ее значение	8
IX. Описание местности и ее значение	9

211

П Р И Б А В Л Е Н І Е
КЪ БІОГРАФІИ ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

ИЗДАНИЕ
ВТОРОЕ

212

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ БІОГРАФІИ ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

Членъ Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, И. В. Сельскій, получивъ біографію Банзарова, сообщилъ мнѣ, изъ Иркутска, слѣдующія подробности о его сибирской жизни и послѣднихъ дняхъ его:

«Вы пишете, что любопытно было бы прослѣдить обратный переходъ Банзарова изъ Европейца въ Бурята. Это совершилось очень просто. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Казани и Петербургѣ въ сухихъ ученыхъ занятіяхъ, вдругъ онъ возвращается къ своимъ вожделѣннымъ табуныщикамъ, и тамъ родной кровъ, чудесная весна Боргойской степи, краснощекія землячки, и наконецъ *тарасунь*, вдругъ сближаютъ его съ непремѣнными условіями жизни степнаго Монгола, и съ той же минуты Банзаровъ весь принадлежалъ своимъ. Цѣлый годъ онъ провелъ на родинѣ.

«Въ Иркутскѣ, Банзаровъ былъ принятъ превосходно; генераль-губернаторъ очень жаловалъ его *, многіе съ нимъ были знакомы, а я, завѣдывая Отдѣломъ, видѣлъ въ немъ совершенную для насъ необходимость. Въ Восточной Сибири Банзаровъ былъ нуженъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Высокопресвященный Нилъ, знатокъ монгольскаго языка, очень хотѣлъ сблизиться съ Банзаровымъ и желалъ, чтобы онъ совѣтами своими былъ полезенъ при переводѣ литургіи на монгольскій языкъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, пресвященный

* Археологическое Общество, съ своей стороны, рекомендовало его господину генераль-губернатору, какъ своего члена-корреспондента (см. Труды Вост. Отд., ч. I, стр. 296 и 299). И. С.

пламенно желалъ, чтобы Банзаровъ принялъ христіанство. Монголь сердился за эти попытки, и пересталъ посѣщать преосвященнаго. Думаю, что если бы Банзаровъ принялъ христіанство ранѣ сего, въ Казани, то онъ не сошелся бы потомъ съ своими такъ тѣсно.

«Въ теченіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ Банзаровымъ у насъ, онъ совершилъ только нѣсколько временныхъ поѣздокъ по службѣ. Наши виды на него были слѣдующіе: въ одномъ изъ засѣданій Отдѣла я предложилъ, чтобы Банзаровъ занялся въ особенности исправленіемъ на нашихъ картахъ монгольскихъ названій жилыхъ мѣстъ, урочищъ, горъ, рѣкъ, озеръ и проч., искаженныхъ отъ времени. Онъ совершенно раздѣлялъ со мною мысль о пользѣ такого занятія, и въ теченіи года, кое-когда, послѣ большихъ настояній, принимался за дѣло и многое успѣлъ исправить, но большая половина осталась не рассмотрѣнною. Мнѣ хотѣлось также очень, чтобы Банзаровъ осмотрѣлъ остатки древностей Забайкальскаго края, древнія письма и прочіе предметы, для объясненія аборигеновъ тамошняго края. Банзаровъ все обѣщалъ сдѣлать, но ни за что не принимался. Но, между прочимъ, онъ отлично пояснилъ на картѣ пункты китайской границы, согласно съ фактами нашими и манджурскими. Онъ совершилъ поѣздку въ Тункинскій край, для изслѣдованія происхожденія Сойотовъ и ихъ заграничныхъ сосѣдей, Урянхайцевъ. Онъ занимался объясненіемъ древней надписи Мангутской пещеры; онъ же просилъ Г. Юренскаго разыскать Дэлунь-Болдокъ, мѣсто рожденія Чингисъ-хана, что тотъ и сдѣлалъ; описаніе это находится теперь для просмотра у О. Аввакума. Кромѣ сего, Банзаровъ готовилъ исторію перехода изъ-за границы на нашу сторону Байкала различныхъ монгольскихъ племенъ. Не задолго до своей смерти, онъ позвалъ меня и съ торжествомъ сказалъ мнѣ: «знаете ли, я удивлю васъ! Я докажу вамъ ясно, что предки Чингисъ-Хана жили у насъ, — гдѣ бы вы думали! — въ

213

Баргузинской степи.» — Но какъ это, такъ и прочіе его порывы и предположенія остались ни при чемъ. Именно я, въ послѣдній назначенный имъ срокъ, пришелъ къ нему за статьей о Чингисѣ, и нашелъ его, уже бездыханнаго, и ламу, читающаго надъ нимъ молитвы! Болѣзнь его была кратковременна: онъ обрадовался прїѣзду Бандиды-Хамбы-Ламы, въ сообществѣ его набѣлся жирной свинины и пилъ много вина, потомъ ноѣхалъ Хамбу провожать, простудилъ желудокъ, и умеръ внезапно. По докладу моему, библіотека Банзарова и вещи сданы были въ Отдѣлъ; но увы, въ ней, кромѣ книгъ, ничего не оказалось.*

Помѣщаемыя въ слѣдъ за этимъ извлеченія изъ писемъ Банзарова, кромѣ свѣдѣній о развитіи его ученыхъ занятій, доставляютъ вѣрное изображеніе и его душевнаго настроенія. Какъ скромно и добросовѣстно говорить онъ о своихъ ученыхъ филологическихъ трудахъ и изученіи производства метеорологическихъ наблюдений; какъ тепло совѣтуетъ одному изъ своихъ прїятелей рѣшиться ѣхать въ Пекинъ, чтобы «идти впередъ» по избранному поприщу и «сдѣлаться совершеннымъ ученымъ»; какъ весело шутить съ друзьями, мѣшая серьезное съ шуткою; какъ остроумно, прикинувшись степнымъ Монголомъ, пишетъ о Петербургѣ, «куда еще, кажется, не про-

* Но въ нѣкоторыхъ книгахъ, какъ мнѣ лично извѣстно, были многочисленныя на поляхъ приписки Банзарова, относящіяся къ исправленію монгольскихъ текстовъ и переводовъ съ нихъ Г. Шмидта; такими поправками обильныхъ ошибокъ послѣдняго особенно испещрено изданіе Сананъ-Сецена (*Gesch. der Ost-Mongolen*). Весьма полезно было бы издать эти глоссы Банзарова.

Къ списку сочиненій Банзарова надлежитъ присовокупить еще его *Замѣчанія о монголизмахъ въ ярыкѣ Тохтамышъ-Хана*, напечатанныя на стр. 41—42 и 47—48 изданія князя М. А. Оболенскаго «Ярыкъ Хана Золотой Орды Тохтамышъ къ польскому королю Ягайлу,» Казань, 1850, 8°. II. С.

никло учене Будды! Большая часть писемъ писана имъ по-русски, и только первое, второе, пятое и шестое по-монгольски. Пятое и четырнадцатое письмо показываютъ новую сторону его дарованія, примѣчательный юморъ; первое изъ нихъ писано по-монгольски и теряетъ, разумѣется, часть своихъ литературныхъ достоинствъ въ переводѣ. Все это служитъ лучшимъ матеріаломъ для его характеристики.

Кстати прибавить, что Банзаровъ много писалъ по-монгольски, будучи еще въ университетѣ. Здѣсь написалъ онъ для своихъ одноплеменниковъ «Всеобщую географію» и «Грамматику монгольскую» (рукописи эти должны находиться у профессора О. М. Ковалевскаго) и перевелъ на монгольскій языкъ съ французскаго перевода «Странствованія» китайскаго буддиста IV вѣка, по имени Фа-Сяня, описавшаго состояніе буддійскихъ государствъ верхней Азіи; неизвѣстно, отослалъ ли онъ этотъ трудъ свой къ землякамъ, которымъ хотѣлъ показать этимъ, что и живя въ странѣ «терсовъ» (противниковъ Будды), онъ не оставилъ «ученія» (Будды) и уповаеть на «три сокровища» душеспасенія. Это нисколько ни мѣшало ему быть въ то же время вполне Европейцемъ по образованію и идеямъ.

П. С.

I.

Казань, 15 марта 1847.¹

Алексію, Александрову сыну, по фамиліи Бобровникову, сѣящему сѣмена языка храбрыхъ Монголовъ въ великомъ училищѣ, распространяющемъ вѣроученіе великаго народа русскаго².

Привѣтъ отъ Дорджи, сына Банзарова, изъ поколѣнія Урянхайцевъ, прибывшаго изъ страны монгольской для

¹ Писано на монгольскомъ языкѣ, «въ женское лѣто огия и овна, 15-го дня перваго весенняго мѣсяца», что и соответствуетъ означенному здѣсь году, мѣсяцу и числу нашего лѣтосчисленія.

² Т. е. Духовной Академіи.

переправы через море мудрости, но претерпѣвшаго крушеніе отъ бури и оставшагося въ Казани, подобно плѣннику.

Міръ сей подобенъ океану, наполненному подводными скалами. Жизнь наша сопряжена съ мученіями, которыя ожидать должно каждую минуту. Четыре моря мученій, отъ которыхъ еще мы не освобождены, и каждую минуту находимся мы въ опасности быть захваченными ихъ волненіями!

Настоящее мученіе достопочтеннаго вашего тѣла есть слѣдствіе дурнаго дѣянія, сдѣланнаго вами еще въ вашихъ прежнихъ перерожденіяхъ; поэтому вы должны заниматься, мыслить и читать, и держать книгу, вмѣщающую въ себя *парамитъ*: это лучшій способъ для излеченія; это амброзія, которая гаситъ пламя мученій міра сего.

Узнавъ, что принесетъ пользу вамъ и всѣмъ изъ шести разрядовъ существъ, посылаю вамъ эту великую книгу, называемую *Элдибъ-биликъ-парамитъ*. Да очистятся ваши грѣхи, скопившіяся во многихъ вашихъ перерожденіяхъ; да возродится мысль и стремленіе къ *Бодди*. Да успокоятся тѣло, языкъ и душа ваша! Все это должно быть слѣдствіемъ чтенія этой книги.

Уповающій на добродѣтель, гѣцуль Галсанъ, будучи ограбленъ разбойниками *терсовъ*,³ но спасенный по милости трехъ драгоценностей,⁴ прибылъ въ Казань и поступилъ въ клинику, дающую убѣжище страждущимъ, пользоваться леченіемъ великаго и искуснаго пандита-Элатича,⁵ который рѣжетъ мясо и кости, сковывающія насъ съ этимъ міромъ.

³ Иновѣрцевъ, не-буддистовъ.

⁴ Лама Галсанъ Гомбоевъ дѣйствительно подвергся нападенію разбойниковъ, близъ Сызрани.

⁵ Профессоръ Еллачичъ, искусный хирургъ въ Казани.

II.

ПЕТЕРБУРГЪ, 7 февраля 1848. ⁶

Любезный лама! Вы навѣрно, по благословенію Будды, здоровы. Я также здѣсь здоровъ. Каждый день хожу по присутственнымъ мѣстамъ. Не знаю, какъ скоро уѣду. Если ѣхать, такъ скоро уѣду. Если остаться, такъ останусь до 1-го числа марта. У васъ, что новаго? Нѣтъ ли съ нашей стороны писемъ? Покуда я еще не ознакомился съ городомъ. Понемногу привыкаю къ здѣшней жизни. Вы хотѣли ѣхать на родину вмѣстѣ со мной; подумайте объ этомъ. Какъ бы то ни было, но къ 15 числу непременно буду въ Казани. ⁷ Если дѣйствительно думаете ѣхать на родину, то приготовьтесь...

III.

ПЕТЕРБУРГЪ, 7 февраля 1848.

... Я здѣсь живу ни хорошо, ни худо. Ходъ моего дѣла такой: рѣшено, что меня пошлютъ въ Иркутскъ чиновникомъ особыхъ порученій; но не рѣшено, съ какимъ окладомъ и на какихъ правахъ. Дѣло стоитъ вотъ за чѣмъ: сенатъ затрудняется исключить меня изъ казаковъ, хотя соглашается освободить меня отъ обязанности нести 25-лѣтнюю казацкую службу; поэтому дѣло мое перенесется въ государственный совѣтъ, такъ какъ съ исключеніемъ меня изъ казаковъ сопряжено измѣненіе закона. ⁸

⁶ Писано по-монгольски къ ламѣ Галсану Гомбоеву, нынѣ преподавателю монгольскаго языка при Петербургскомъ университетѣ.

⁷ Такъ скоро думалъ сначала Банзаровъ покончить свое дѣло!

⁸ Какъ Бурятъ, Банзаровъ принадлежалъ къ казацкому сословію, обязанному военною службою.

015

IV.

ПЕТЕРБУРГЪ, 8 марта 1848.⁹

... Увѣряю васъ, что поѣздка въ Пекинъ на одинъ годъ есть вещь невозможная.... Почему знать? можетъ быть, вмѣстѣ съѣздимъ въ Пекинъ. Вы узнаете тамъ еще нѣсколько восточныхъ языковъ и будете совершенный въ своемъ родѣ ученый. «Въ Пекинѣ жить все равно, что въ ссылкѣ, въ заточеніи», скажете вы; но развѣ, въ Казани, вы не такъ же дома сидите! Скажете, что «лучшіе годы жизни убьешь тамъ безъ толку»; а какой толкъ будетъ, если эти шесть лѣтъ пробьетесь учителемъ, и въ добавокъ, при мало-дѣятельной жизни, привыкните лѣниться и на всю жизнь засядете на одномъ мѣстѣ! Что за неволя, портить, или лучше сказать закабалить, задержать свою будущность, когда вамъ есть случай идти впередъ, разнообразить вашу жизнь, посмотрѣть кое-что? Повѣрьте,—я скажу вамъ по опыту,—человѣку, привыкшему къ извѣстному кругу и мѣсту, очень тяжело его оставить; но оставьте разъ, вы не будете о немъ сокрушаться, хотя не перестанете любить старыхъ знакомыхъ, старое житье, мѣсто воспитанія и проч. Все это будетъ всегда храниться въ вашей памяти,—и этого довольно. Вы, можетъ быть, будете смѣяться надъ моимъ двухмѣсячнымъ опытомъ; но сами знаете, какъ неприятно было оставить мнѣ Казань, не смотря на то, что всѣ торопили меня оставить ея, суля чудеса. Сожалѣлъ я о Казани, возвращусь туда съ восторгомъ; но все-таки здѣсь теперъ живу ладно, не скучаю, не плачу, хотя и не веселюсь слишкомъ.

... Я живъ и здоровъ постоянно. Хожу каждый день въ Академію; а скоро ли ворочусь въ Казань, не знаю еще.

⁹ Писано къ одному изъ казанскихъ ориенталистовъ, желавшему ѣхать въ Пекинъ съ духовною миссією, но только на одинъ годъ.

Дѣло мое благопріятно рѣшено въ общемъ собраніи, но пойдетъ еще въ государственной совѣтъ и къ Государю на утверженіе. На это нужно мѣсяца четыре. Поэтому я уже думаю ѣхать въ Казань и тамъ дожидаться конца.

V.

ПЕТЕРБУРГЪ, 12 апрѣля 1848. ¹⁰

Достигшему предѣла всей премудрости, — сіяющему какъ лѣтнее солнце среди моря грамматики, — родомъ Ойрату калмыцкому ¹¹, прославившемуся подъ русскимъ именемъ Бобровникова,

Небольшое посланіе.

Вашъ ничтожный братъ, желающій вамъ спокойствія и здоровья, получивъ многозначущее письмо ваше, обрадовался ему, подобно тѣмъ пяти стамъ купцамъ, которые нашли въ морѣ драгоценность величиною съ лошадиную голову. Содержаніе вашего письма глубже рѣки *Идилъ*. ¹² Такой глубины можетъ достигнуть лишь тотъ, кто предается созерцанію о пользѣ шести *парамитъ* ¹³. Что до этого касается, то гдѣ мнѣ, ничтожному вашему брату, скитающемуся по городамъ и странамъ, достигнуть до такого глубокомыслія! Русскіе, живущіе на пути, по которому я ѣхалъ, угнѣтены суетою, вслѣдствіе чего они никогда не избавятся отъ рукъ полчища *шимусовъ* ¹⁴. Силою злой судьбы, родившись *терсами* ¹⁵, они не только не въ состояніи понять грѣхи и добродѣтели, но и не слышали

¹⁰ Писано по-монгольски.

¹¹ А. А. Бобровниковъ, авторъ «Монгольско-калмыцкой грамматики».

¹² Волги.

¹³ Шести разрядовъ существъ, по буддѣйскому ученію.

¹⁴ Шимнусы, по буддѣйскому ученію, представители матеріи.

¹⁵ Терсы — противники Будды, не-буддисты, иновѣрцы.

26

даже о десяти черныхъ грѣхахъ и десяти бѣлыхъ добродѣтеляхъ. Вообще, благочестивыхъ людей между ними очень мало. Здѣсь-то сосредоточивается *орчиангъ*.¹⁶ Хотя и есть люди, знающіе санскритскій и тибетскій языки, и читаютъ они священныя буддійскія книги, но сущности ихъ не понимаютъ; они подобны опрокинутому сосуду, во внутрь котораго ничего не попадетъ. Изъ этихъ книгъ не извлекаютъ они понятія о добродѣтели, а стараются только о существенной (для себя) выгодѣ. Вообще, что касается до этихъ ученыхъ инородцевъ, то занятія ихъ подобны представленію десяти игрищъ.

Если вникнуть въ обычаи и обращеніе здѣшняго народа, то увидимъ, что они отличаются отъ другихъ. Люди ходятъ здѣсь, какъ бѣшеные. Языковъ много: кто говоритъ по-чухонски; кто по-нѣмецки, другіе по-французски и т. д. По моему мнѣнію, буддійское ученіе сюда еще не проникало. Невинныхъ, безгрѣшныхъ и простодушныхъ здѣсь легко обманываютъ и надуваютъ. Къ полученію грѣшныхъ денегъ всѣ стремятся съ такою же жадностію, съ какою благочестивые должны стремиться къ полученію благословія. Еще безстыднѣе черты характера ихъ. Каждый пишетъ на желѣзныхъ доскахъ, что онъ дѣлаетъ: «Я шью сапоги», — «я дѣлаю гробы», — «я стригу волосы», — «я дѣлаю телѣги», — «я убиваю быковъ» и т. д., и доски эти привѣшиваютъ на стѣнахъ своихъ домовъ. Нѣкоторые выставляютъ на окнахъ такія соблазнительныя вещи, что отъ нихъ рождаются грѣшныя мысли. Всѣ эти люди отрасли *шимусовъ*.¹⁷ По опредѣленію судьбы, пріѣхавъ сюда, теперь въ продолженіе двухъ недѣль постоянно занимаюсь добрыми дѣлами и мысленно живу съ вами.

Есть здѣсь огромное зданіе, которое называется Академья, гдѣ хранится множество вещей, принадлежащихъ

¹⁶ Матеріальный міръ.

¹⁷ Не-буддистовъ.

буддистамъ; я привелъ ихъ въ порядокъ, также какъ и книги маньджурскія, и сдѣлалъ имъ опись. У меня есть нѣсколько книгъ *тертиковъ*¹⁸, и еще надѣюсь приобрести ихъ, потому что здѣшніе иновѣрцы-ученые, въ надеждѣ распространить свою славу, раздають свои сочиненія даромъ.

Какъ ни пріятно вообще письмо ваше, но еще пріятнѣе и глубокомысленнѣе общаніе, что вы приготовите новую колоду картъ и хорошую водку къ моему пріѣзду. Если это исполнится, для пользы всѣхъ существъ, то добродѣтель ваша будетъ такъ велика, что и сказать нельзя! Первое дѣло — *мизеры*; безъ того, что мы за люди!

Если И. влюбился въ Татарку, то это признакъ, что онъ хочетъ обратиться въ мухаммеданство, и хоть онъ живетъ въ чистомъ домѣ, но не соблюдаетъ объѣта *шакшабатъ* (цѣломудрія), вслѣдствіе чего грѣхъ его удваивается или удвоитъ Татарку, такъ что изъ одного дурнаго дѣла выйдетъ два.

У обитателей Запада настало теперь смутное время¹⁹: они повыгоняли своихъ хановъ и владѣльцевъ, и потомъ стали враждовать другъ съ другомъ. Кажется, такое же время было тогда, когда Гэсэръ-ханъ родился въ семь мірѣ. Судя по характеру настоящаго времени, не явится ли снова Гэсэръ! Тогда намъ предстанетъ случай быть въ числѣ тридцати трехъ богатырей его.

Уповайте на *гурбанъ эрдэни*!¹⁹

Младшій братъ вашъ, *Банзаровъ сынъ*.

¹⁸ Февральская революція во Франціи.

¹⁹ *Гурбанъ эрдэни*, «три драгоценности», чрезъ посредство которыхъ буддисты думаютъ спастись, т. е. слиться съ верховнымъ началомъ.

VI.

(ПЕТЕРБУРГЪ, 25 мая 1848).²⁰

Любезный ламдагай! — Я живу здѣсь въ добромъ здоровьѣ. Какъ ваше здоровье? Желалъ бы отправиться поскорѣе въ Казань, но разныя обстоятельства удерживаютъ меня. Впрочемъ скоро выѣду. Сегодня вторникъ, а намѣреваюсь уѣхать въ концѣ этой недѣли.

Три года тому назадъ найдена была одна серебрянная дощечка съ квадратною надписью, которая была причиною спора между Шмидтомъ и Григорьевымъ. Теперь найдена еще такая же дощечка съ монгольскою надписью; содержаніе ея сходно съ предъидущей. Я занимаюсь объясненіемъ ея; поэтому я и не писалъ къ вамъ. Теперь уже печатается статья. Здѣсь нѣкоторыя дѣла скоро дѣлаются. Если увидите Ковалевскаго и Попова, скажите имъ объ этой дощечкѣ. Вотъ эта надпись:

Мѡнкэ тегринъ нуцунъ-дурь, екэ су джалинъ игэгэнъ-дурь. Абдулаинъ джарликъ: кэнъ улу буширэху, нумунъ алдаху, укуку.

Вотъ какая удивительная вещь нашлась! *Игэгэнъ* — ну какъ объяснить это слово ваши казанскіе ученые? До моего пріѣзда приготовьте мнѣ объясненіе. Посмотримъ! Если неправильно объясните, то съ васъ взыщется бутылка меду; а если вѣрно, то я заплачу.

VII.

Казань, 4 августа 1848.²¹

... Здѣсь умеръ, отъ холеры, профессоръ Диттель; не слышали ли, кто будетъ на его мѣсто?

Я живу здѣсь, какъ истинный провинціалъ... Пишу о знаменитыхъ *пай цзы*, да ожидаю отъ васъ обѣщанныхъ

²⁰ Писано по-монгольски къ ламѣ Галсану Гомбоеву.

²¹ Къ О. Палладію Каварову, нынѣшнему начальнику русской духовной миссіи въ Пекинѣ.

свѣдѣній; здѣсь же открытія я не сдѣлалъ никакого. Мы все ломаемъ голову надъ Чингисовою надписью; но пока ничего не придумали.

Бобровниковъ кончилъ монгольско-калмыцкую грамматику и получилъ отъ Ковалевскаго блистательную рецензію.

VIII.

КАЗАНЬ, 18 августа 1848. ²²

... Здѣсь я иногда скучаю, и сожалею о Питерѣ, а въ особенности о томъ кружкѣ, въ которомъ я бывалъ. Ученныя мои занятія теперь состоятъ въ составленіи статьи для П. С. Савельева; да еще замышляю кое-что, но не знаю, какъ удастся. Мнѣ сильно хочется писать къ В. В. Григорьеву, да онъ самъ сказалъ, чтобы безъ дѣла и безъ толку не писать. Чтò онъ говоритъ о моихъ нѣмецкихъ грѣхахъ? Увѣрьте его, пожалуй-ста, что я давно уже переродился въ Русскаго. Это случилось со мной дорогой...

IX.

КАЗАНЬ, 23 сентября 1848.

Благодарю васъ и нѣкотораго жителя улицы Шестилавочной ²³ за добрую память и благодарственный адресъ, котораго я удостоился отъ васъ по строгомъ изслѣдованіи моего поведенія и образа мыслей... Но преждебывшій *геллертеръ* ²⁴, хотя и избѣгъ счастливо всякихъ метаморфозъ, кромѣ нижепоименованной, не смотря на свое постоянство, кругомъ виновать предъ вами, промолчавъ ровно

²² Къ О. Палладію.

²³ В. В. Григорьева.

²⁴ Такъ, въ шутку, называетъ Банзаровъ самого себя потому, что написалъ нѣсколько статей на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанныхъ въ Bulletin Академіи Наукъ.

три мѣсяца. Дѣло въ томъ, что я рѣшился не писать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока статья о *пайзе* не будетъ готова. Между тѣмъ О. Палладій не присылалъ ожидаемыхъ для статьи выписокъ, а я, въ ожиданіи ихъ, не слишкомъ торопился оканчивать статью, и слѣдовательно не писалъ къ вамъ. Наконецъ ваше письмо развязало мнѣ руки.

Путешествіе мое изъ Петербурга въ Казань кончилось благополучно; только досталось моимъ бокамъ, да еще я ужасно загорѣлъ, сдѣлался мѣдно-краснымъ, какъ Индѣецъ, и только недавно началъ бѣлѣть, т. е. желтѣть. По пріѣздѣ въ татарскую столицу, занялся я, разумѣется, офиціальными дѣлами: ходилъ являться по начальству, написалъ письма къ Нѣмцамъ, и т. д. А чтò дѣлалъ я послѣ того, — не стòитъ и писать. Однако статью для васъ ²⁵ давно окончилъ и ждалъ только извѣстій отъ О. Палладія; но боюсь что она *будетъ* слишкомъ коротка и не будетъ соответствовать вашему ожиданію. Затрудненій, при составленіи ея, не мало; первое — недостатокъ въ книгахъ; вы не повѣрите, что я не могъ найти здѣсь даже Д'Оссона *Histoire des Mongols*. Но впрочемъ вы увидите статью мою скоро; черезъ недѣлю она будетъ готова и немедленно будетъ отправлена.

Между прочимъ, я досталъ сочиненіе Висковатова объ одеждѣ и вооруженіи русскихъ войскъ и нашелъ въ немъ съ десятокъ названій чисто-монгольскихъ; но этого, мнѣ кажется, мало для того, чтобы составить статейку для вашихъ «Записокъ». Вы должны рѣшить, чтò дѣлать мнѣ: писать или не писать? Будетъ ли такая малость годна для тѣхъ, которые съ помощію нашей братіи, восточниковъ, надѣются опредѣлить, чтò и какія оружія русскія заимствовали отъ Монголовъ?²⁶

²⁵ Исслѣдованіе о *пайзе*, которое онъ не успѣлъ кончить въ Петербургѣ и обѣщалъ выслать изъ Казани.

²⁶ Эта статья предпринята имъ въ слѣдствіе помѣщенной въ Запи-

Надпись на столбъ Чингисовомъ²⁷ сводить меня съ ума. Сколько я ни старался, не могъ разобрать въ ней ровно ничего; только узналъ, что слово, которое Шмидтъ переводилъ «вообще», есть собственное имя племянника Чингисова. Остается ожидать вдохновенія отъ «синяго и вѣчнаго Неба!»...

Но оставимъ древность и обратимся къ настоящему. На дняхъ я былъ у А., съ которымъ познакомился и надѣюсь видѣться почаще... Б. оплѣшивѣлъ такъ гладко, что ужъ больше никогда не будетъ стричься... Изъ поѣздки своей онъ бѣжалъ, «холерѣ гоняще его»....

Х.

11 октября 1848.

Я обѣщала скоро прислать вамъ статью; наконецъ она поспѣла; но, ожидая почты, пролежала у меня цѣлую недѣлю. Въ одинъ день съ этимъ письмомъ получите и ее; но я долженъ предупредить васъ на счетъ достоинствъ этого новаго произведенія своего. Боюсь, что вы и Василій Васильевичъ²⁸ будете недовольны ею, ея краткостью и незрѣлостью. Чтò дѣлать! еще неопытенъ въ писаніи; да и книгъ-то нѣтъ; въ самомъ изложеніи и слогѣ замѣтите неловкость, которой я никакъ не могъ побѣдить. Посылая статью на ваше распоряженіе, во всемъ полагаюсь на васъ и надѣюсь, что вы безъ церемоніи поправите все, чтò вамъ будетъ угодно, прибавите и убавите въ ней чтò можно. Въ одномъ мѣстѣ я оставилъ пробѣлъ, чтобы можно было выписать изъ *Histoire des Mongols* Д'Оссона, если въ ней вы найдете еще какія подробности...

скажъ Археол. Общ. статьи Г. Жила о монголо-татарскомъ вооруженіи, хранящемся въ Царскосельскомъ арсеналѣ.

²⁷ Т. е. на плить съ именемъ Чингиса, находящейся нынѣ въ Азіатскомъ музеумѣ Академіи Наукъ.

²⁸ В. В. Григорьевъ.

Съ братомъ вашимъ А. С. ²⁹ я уже говорилъ на счетъ наставленія меня въ барометрическихъ наблюденіяхъ и онъ обѣщался научить меня, сколько нужно.

Теперь же я хожу заниматься — чѣмъ бы, вы думали! — *дѣлами*, т. е. писать доклады, отношенія и проч. и проч., чтобы приготовиться сколько-нибудь къ будущей службѣ. Между тѣмъ изъ Петербурга нѣтъ извѣстій, и ничего не знаю, что тамъ дѣлается съ моимъ дѣломъ. Еще менѣе знаю, что дѣлается въ ученомъ мірѣ, потому что здѣсь не очень часто толкуютъ о такихъ вещахъ...

Сюда пріѣхали какіе-то девять Нѣмцевъ-музыкантовъ, угощаютъ Казанцевъ музыкой за деньги; также «итальянскій балетмейстеръ», у котораго впрочемъ главныя роли играютъ Мароканцы. Ничего нѣтъ удивительнаго, что Нѣмцы пріѣхали сюда за русскими и татарскими деньгами; но какъ догадались о томъ Мароканцы! Вотъ это новость!

XI.

14 января 1849.

... Очень радъ, что моя статья ³⁰ удостоилась вашего вниманія, и прекрасно, что вы хотите придѣлать къ ней два хвоста. Только предложу вамъ одно условіе: слава міра сего мнѣ прискучила, и потому не помѣщайте въ хвостъ отчета обо мнѣ, какъ сдѣлалъ это Böhlingk; а цитатъ и примѣчаній — сколько вамъ угодно. Не знаю, какъ думаетъ о семъ писаніи В. В. Григорьевъ; боюсь, чтобы не попасться ему въ лапы и какъ-нибудь невзначай не подвергнуться участи Шмидта! Да сохранить меня Будда!

Чингисова надпись ставитъ меня въ тушикъ: какъ, въ четырехъ строкахъ, четыре слова монгольскихъ, которыхъ не знаешь! Увѣренъ только въ одномъ, — что слово, кото-

²⁹ Профессоръ физики въ Казанскомъ университетѣ.

³⁰ «О пайзе».

рое Шмидтъ переводить «*вообще*», имѣть самое частное значеніе, и что оно — имя Чингисова племянника, *Исункэ*. Мое мнѣніе подтверждается, кромѣ выноски этого слова въ красную строку, еще тѣмъ, что удѣлъ этого Исункэ былъ именно тамъ, гдѣ нашли памятникъ.

Монгольскихъ названій старинныхъ русскихъ вооруженій я нашелъ хоть немного, но зато все несомнѣнно вѣрныя. Доставить объ этомъ въ скорости вамъ статью я не могу, или не рѣшаюсь; думаю, что можетъ быть, удастся мнѣ сдѣлать статью получше той, какую я могу теперь написать, такъ сказать, съ-маху.

Какъ писать *пайзе*? Лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ — вы да О. Палладій, Персіаннинъ и Китаецъ. Достопочтенный житель Грязной улицы ³¹ рѣшить вамъ, который изъ китайскихъ удареній приличествуетъ первоначальной формѣ *пай-дзы*. Я полагаю, что честь ударенія достанется первому слову; а монгольская форма этого слова, сокращенная *бай*, безъ слова *дзы*, который есть только хвостъ его, не приличествовала устами побѣдителей.

Что дѣлается у васъ въ Географическомъ Обществѣ? нѣтъ ли чего новенькаго?

Теска вашъ Петровъ ³² преподаетъ здѣсь англійскій языкъ, на томъ основаніи вѣроятно, что нынче Индія стала Англіей.

XII.

12 октября 1849. ³³

Благодарю васъ за письмо, доставившее мнѣ истинное удовольствіе извѣстіемъ о моемъ безконечномъ дѣлѣ... Извините меня за долговременное молчаніе: тому были

³¹ О. Палладій.

³² Санскритологъ П. Я. Петровъ.

³³ Годъ, мѣсяцъ и число написаны по-монгольски, также какъ и мѣсто писанія: *Тогонь-хотонь*, «котель-городъ», т. е. *Казань*, Казань.

причины, а именно поѣздки по уѣздамъ Казанской губерніи съ знакомыми мнѣ чиновниками. Уѣзжая въ уѣзды, каждый разъ намѣревался я заняться чѣмъ-нибудь для науки; но гостепріимство уѣздныхъ жителей отнимаетъ у меня возможность заняться чѣмъ бы то ни было. Вы вѣрно знаете, что я временно причисленъ къ здѣшнему *губернскому правленію*; а кто изъ *губерніи* пріѣдетъ въ уѣздъ, тому воздается почетъ непременно, хотя бы даже онъ не хотѣлъ того. Такимъ-то образомъ, разъѣзжая съ чиновниками губернскими, я долженъ былъ безпрестанно бывать на обѣдахъ, чаяхъ и проч. Такъ у меня все лѣто прошло. Въ подобныхъ путешествіяхъ можно услышать или слушать много смѣшнаго, но не чего-нибудь другаго. . . Впрочемъ въ городѣ Чистополѣ я приобрѣлъ 300 мѣдныхъ болгарскихъ монетъ и держу ихъ у себя. Судьба ихъ въ вашихъ рукахъ: прикажете зарыть ихъ въ землю, онѣ будутъ зарыты; прикажете прислать ихъ къ вамъ, онѣ будутъ присланы. Къ чести Казанской губерніи, я долженъ прибавить, что эти монеты собраны секретаремъ земскаго суда.

Я очень радъ, что статья моя (о пайзе) скоро напечатается. Статью о монгольскихъ названіяхъ древнихъ русскихъ вооруженій пришлю вамъ скоро; но предупреждаю васъ, многого отъ нея не ждите.

Дипломъ Общества и двѣ книги Записокъ получилъ я уже давно. . . Вотъ выходитъ у насъ другая монгольская грамматика, ³⁴ по поводу которой я хочу сравнить объ грамматике и показать Азіи, какіе успѣхи можетъ сдѣлать филологія въ одинъ годъ. . .

ХІІІ.

9 января 1850.

. . . Посылаю вамъ, въ видѣ *homage* (извините за французское слово) отъ автора, «Грамматику монгольско-

³⁴ Монгольско-калмыцкая, Г. Бобровникова; первая была Г. Попова.

кальмицкаго языка»³⁵. О достоинствахъ ея я не буду распространяться потому, что вскорѣ будетъ говорено о томъ печатно. Во-вторыхъ, посылаю давно обѣщанную статью о восточныхъ названіяхъ вооруженій.³⁶ Я ея не доволенъ, потому что слишкомъ коротка она. Но чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ. Другая бѣда — слогъ: не знаю почему-то не могъ изложить ее ясно и толково. Передѣлывать, если найдете нужнымъ, можете сколько угодно.

Скоро ли отпечатаются *пайзе*? Мнѣ очень хочется получить статью. Въ Сибирь ѣду я еще не скоро, мѣсяца черезъ полтора, и потому, если оттиски готовы, то присылайте ихъ. . .

Я читаю много, но пишу мало. Хоть постоянно копаюсь надъ исторіей Монголіи, но у меня бываетъ, въ извѣстное время, за недостаткомъ большихъ работъ, мономанія на особенные сюжеты. Теперь мнѣ покоя не даетъ извѣстная надпись на камнѣ, вдѣланномъ въ стѣну въ сѣняхъ Азіятскаго музеума Академіи Наукъ, приписываемая Чингису. Надпись эта особенно прославлена руганкою, которую Нѣмецъ Шмидтъ задалъ по-русски почтенному О. Іакину. Мнѣ хочется теперь посрамить «черныя кости» Нѣмца и косвенно оградить О. Іакина. Въ разборѣ этой надписи я теперь уже столько сдѣлалъ, что, еслибы я имѣлъ $\frac{1}{100}$ той смѣлости, съ какой разбиралъ ее Шмидтъ, то давно отправилъ бы свой переводъ къ вамъ. Если современемъ случится такое происшествіе, то дайте слово отпечатать литографією мой снимокъ въ той величинѣ, какъ онъ есть.³⁷ Дѣло

³⁵ А. А. Бобровникова.

³⁶ Напечатано во II томѣ Записокъ Археол. Общ., стр. 72 — 98.

³⁷ Этого нельзя было сдѣлать по огромной величинѣ снимка, и потому онъ уменьшенъ посредствомъ камеры-обскуры и фотографіи. Такимъ образомъ палеографическій характеръ снимка сохраненъ въ точности: стоитъ только взглянуть на него въ увеличительное стекло, чтобы увидѣть надпись въ настоящую ея величину.

остановилось у меня вотъ на чемъ. Въ этой надписи главную роль играетъ *Исункэ*, по китайской транскрипціи *И-сунь-кхэ* (Ист. четырехъ хановъ, стр. 306—376), племянникъ Чингиса, сынъ знаменитаго его брата Джучи-Хасара или Хаджара. Мнѣ нужно знать его біографію, которая вѣроятно находится въ Исторіи династіи Юань (каталогъ книгъ Азіят. Департам. № 24 и можно еще посмотреть въ № 55), и также нужно бы знать, что досталось ему въ удѣлъ, какое мѣсто онъ занималъ между князьями; а о Чингисъ-ханѣ посмотреть, что онъ дѣлалъ непосредственно по возвращеніи изъ хивинскаго похода, а именно въ 1225 году, — и вообще, что сказано объ Исункэ въ исторіи. Объ этомъ я писалъ и къ Василью Васильевичу; но онъ ничего не могъ сдѣлать, а взялся за дѣло Шукинъ, и — увы! о злодѣйство! — В. В. сыгралъ вѣроятно съ нимъ штуку: Шукинъ искалъ, вмѣсто благороднаго племянника Чингисова, Исункэ, какого-то Хабака, котораго имя, по сходству съ однимъ русскимъ словомъ, весьма оскорбительно для каждаго Монгола и срамитъ искателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ я писалъ къ Шукину, по просьбѣ котораго Розовъ рылся въ Исторіи династіи Юань. Помогите и вы, Павелъ Степановичъ, побудите О. Іакинѣа, ради собственной его амбиціи, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, опытиѣ Розова въ чтеніи историческаго китайскаго текста...

Вы знаете, что я ѣду въ Сибирь, гдѣ можно найдти развѣ сказку о Баламирѣ, царѣ Унновъ. Поэтому сообщите, сдѣлайте милость, цѣны на Рашидъ-Эддина (изд. Катрмера), на Д'Оссона, Гаммерову Ист. Золот. Орды и другія замѣчательныя сочиненія по исторіи Монголовъ³⁸.

³⁸ Нѣкоторые изъ этихъ книгъ высланы были къ нему, частью въ Казань, частью въ Иркутскъ.

XIV.

Иркутскъ. Въ августъ 1852.³⁹

... Буряты простодушный народъ, и потому они думаютъ, напримѣръ, что одинъ русскій человекъ поставилъ на Селенгѣ желѣзный ящичекъ и молилъ вечернюю звѣзду сойти съ неба, а только спустилась она въ ящикъ, какъ онъ унесъ его съ собою. Я хотѣлъ утѣшить добрыхъ людей и началъ слѣдствіе (не забудьте, что я — чиновникъ!), чтобы открыть преступника и предать его закону. Оказалось — боюсь сказать вамъ правду — кто бы, думали вы, былъ преступникъ! — академикъ!... Подъ предлогомъ, будто бы онъ измѣрялъ широту и долготу Селенги, приманилъ онъ Венеру въ свой ящикъ и ухалъ съ ней въ Петербургъ. Недавно впрочемъ звѣзда эта опять возвратилась къ Бурятамъ.

XV.

Иркутскъ, 4 сентября 1852.⁴⁰

Я былъ до сихъ поръ въ безпрестанныхъ хлопотахъ по случаю отъѣзда генераль-губернатора изъ Иркутска въ Красноярскъ, и наконецъ-то собрался написать къ вамъ.

Во-первыхъ, я не писалъ къ вамъ долго потому, что былъ въ улусахъ, деревняхъ, изъ которыхъ многія отстоятъ отъ города на нѣсколько сотъ верстъ; я былъ между Бурятами, которые, изъ преданности ко мнѣ, не давали мнѣ покоя, т. е. или осаждали меня дома, или зазывали къ себѣ, съ непремѣннымъ желаніемъ разузнать отъ меня подробно все, что я имѣлъ случай видѣть, и наконецъ пить *тарасунь* (но не «спитъся съ круга», какъ вы писали).

³⁹ Писано къ Г. Шифнеру, которому Банзаровъ сообщилъ обращения шаманскихъ молитвъ, напечатанные только недавно, въ приложеніи къ «Бурятской Грамматикѣ» Кастрѣна (*Versuch einer Burjät. Sprachlehre. 1857*), на стр. 234 — 239.

⁴⁰ Писано къ И. Н. Березину.

222

Во-второмъ, денегъ у меня нѣтъ потому, что я живу *однимъ* жалованьемъ, хотя на рукахъ у меня бывали такія дѣла, отъ которыхъ другіе толстѣютъ; я же отъ нихъ худѣю потому, что ѣздить по уѣздамъ всегда стоить мнѣ дороже, чѣмъ жить въ Иркутскѣ постоянно. Получать въ Иркутскѣ 2000 рублей жалованья тоже, что получать въ Казани только 300 рублей сер. Такова здѣсь дороговизна во всемъ! Я долго прожилъ между Бурятами, производилъ слѣдствія строго, однимъ словомъ дѣла велъ *не политично*; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но все-таки ничего со мною нельзя было сдѣлать. Я остался на мѣстѣ, и теперь съ губернаторомъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и прежде. Но всего того, что ему было на сказано на меня тѣми, которымъ нравится мое мѣсто, не хочу описывать, потому что для описаній всегда найдутся сюжеты болѣе благодные, нежели эти вещи.

Въ-третьихъ: ученые дѣлами заниматься во время командировки нельзя потому, что всѣхъ книгъ съ собой не повезешь, голова занята другими предметами, нѣтъ людей, вопросы и мнѣнія которыхъ могли бы навести на ученость. Наконецъ, если бы я и жилъ постоянно въ Иркутскѣ, и то ничего не могъ бы сдѣлать потому, что у меня нѣтъ книгъ. Но при всемъ томъ, я занимался, сколько было можно: изучалъ бурятскія нарѣчія, собиралъ свѣдѣнія о древностяхъ и нѣкоторыя изъ нихъ разсматрѣлъ. Но что нашелъ въ этихъ памятникахъ, теперь не скажу. Подождите. За Байкаломъ рѣдкихъ книгъ очень мало, и можно сказать, что въ Казани больше дѣльныхъ книгъ, чѣмъ у Бурятъ.

Четвертое: Въ Шейбаниадѣ, которой экземпляры у меня теперь лежатъ (но я надѣюсь сколько-нибудь ихъ сбыть) нужно бы поправить: 1) Примѣчанія 60—61, подлинникъ стр. 37: вмѣсто *التجیة*, въ текстъ, переводъ и примѣчаніи надобно поправить: *ابلیجیة قونکقور* Эбулджіе-Хонгоръ, «лож-

бина» (котловина), «зимникъ» (зимнее кочевье). — Этимъ очень просто объясняется значеніе имени *Хонгкиратъ*, которое затрудняло всѣхъ любителей толкованія собственныхъ именъ монгольскихъ, начиная съ Рашидъ-Эддина до васъ, любезный абагай: *Хонгкиратъ* есть только смягченное произношеніе имени *Хонхоратъ*, «жители ложбины»: отъ того-то по-турецки это имя выговаривается то *Конкрадъ*, то *Конрадъ* (какъ у Киргизовъ). 2) Примѣч. 37: вмѣсто *کنت* надобно читать *کبدوت* *Кубдуть*. Китайскіе историки говорятъ, что Хайду ушелъ къ племенамъ Па-л-ху и Цзѣ-гу; но при этомъ случаѣ имъ нельзя вѣрить безусловно; они или ихъ письменность часто смѣшиваютъ виды собственныхъ именъ, т. е. вмѣсто *городъ*, пишутъ *племя*, и наоборотъ. Palhou и Tsiesou суть *рѣки* Чикой (у Бурятъ Цѣкѣ) и Баргу (см. на картѣ къ Стат. Опис. Китайск. Имп., О. Іакина). Именемъ *Баргу* называлась не только рѣка, но и племя монгольское, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ *Баргу-Бурятъ*. Отъ этихъ Баргу-Бурятовъ происходятъ Буряты *Хоринскіе* (Забайкальской обл. Верхнеудинскаго округа), а между Хоринскими Бурятами есть *родъ*, называемый *Кубдуть*: если Хайду ушелъ къ *Баргутамъ*, какъ говорятъ Китайцы, то естественно могъ попасть къ отдѣлу ихъ *Кубдутамъ*, что говорятъ и мусульманскіе историки.

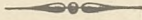
Нѣкоторыми мѣстами Тохтамышева ярлыка, т. е. перевода его, я не доволенъ: сообщу вамъ свои замѣчанія, и прошу васъ напечатать ихъ гдѣ-нибудь.

Вы безъ моего участія напечатали уже вѣроятно ярлыкъ Тимуръ-Кутлука; сожалью объ этомъ потому, что я было уже приготовилъ половину перевода, какъ обстоятельства заставили меня уѣхать за «Богатое море» (*بای کول*) *Байкаль*, а съ тѣхъ поръ забылъ объ немъ.

Я желалъ бы представить вамъ очерки восточно-сибирскихъ нравовъ; но не могу, потому что они едва ли дадутъ вамъ хорошее понятіе о моей родинѣ.

223

«Алтань-Тобчи»⁴¹ оказывается очень труднымъ для перевода по сжатости слога, множеству стиховъ и искаженныхъ мѣсть. Скоро пришлю къ вамъ образчикъ моего перевода, чтобъ вы разсмотрѣли его и дали мнѣ совѣты. Наконецъ, если хотите, то я доставлю переводъ грамматы, писанной квадратными буквами, и уже изданной по-нѣмецки, но съ невѣрнымъ переводомъ.⁴²

⁴¹ «Золотая Пуговка», названіе древнѣйшей досель известной монгольской лѣтописи.

⁴² Г. Габеленцомъ, во II тодѣ Zeitschrift der morgenl. Gesellschaft.